

Превращаясь въ клубокъ, вѣдма часто поподаеть въ весьма непріятное положеніе, какъ это видно изъ слѣдующихъ разсказовъ:

— У насъ у хутори, якъ я ще була маненька, коровы начали портытьця. Одынь дидъ и каже: „це щось ны добре, це видма порте. Я вамъ посоветую пидстырычты ии“. Вечеромъ одинъ чоловікъ и сивъ въ загороду, де его ны було видно. Дывыця: *собака* одчиныла ворота и сила пидъ корову. Тико вона хотила доити, а чоловікъ якъ схвате ии за хвистъ та й держе. Глядъ, а собаки якъ ны бувало: передъ нымъ лыжавъ *клубокъ*, а винъ державъ его за нитку. Взявъ той чоловікъ та и привязавъ его до тыну, а самъ пишовъ въ хату та лигъ спаты. На утро винъ вставъ и созвавъ сусидивъ и повивъ ихъ въ загороду. Дывятыця—тамъ стоить гола жинка, привязана косама до тыну и ии узналы: то була вдова; жила вона на краю хутора. Мужыкы ии одлупылы добре та й пустылы. Съ тыхъ поръ коровы пересталы портытьця (х. Нижній-Соленый).

— Шовъ по дорози мужыкъ и баче—попередъ его котыця *клубокъ* и прямо пидъ ёго. Мужыкъ, ны довго думавше, взявъ той *клубокъ* и понисъ додому. Дома жъ взявъ и прывисывъ до жертки. На другой день дывыця, а наместо клубка высить баба догоры ногама (сл. Ново-Николаевка).

— Иде мужыкъ, дывыця—зъ горы *клубокъ* котыця, винъ взявъ ёго, принисъ додому, застромывъ въ ёго палычку и повисывъ. Кола на другой день дывыця, а замисъ клубка высить баба, а въ вухахъ у ей та сама палычка, що винъ у *клубокъ* стромлявъ. Кола до тии бабы, а то сама, що въ слободи видмою звалы (сл. Колодежная).

— У однихъ людей доила вѣдма корову; пошли они до знахаря, просить ихъ горю пособить, посулили ему за это кусокъ полотна. Знахарь пришелъ вечеромъ, нашель въ загородѣ въ плетнѣ дырку и сѣлъ около нея. Какъ стемнѣло, видить—лѣзеть въ дырку что-то, онъ и схватилъ, а оно и обратилось въ *клубокъ*. Знахарь отнесъ этотъ *клубокъ* къ себѣ домой и прибилъ его къ стѣнѣ гвоздемъ. Наутро смотреть—висить не *клубокъ*, а женщина за губу прибитая. Стала она просить знахаря отпустить ее и пообщала ни когда уже не ходить доить чужихъ коровъ, а ему предложила три куска полотна. Онъ отпустилъ вѣдму и получилъ отъ нея три куска полотна да и отъ хозяевъ коровы еще одинъ кусокъ (сл. Тарасовка).

Крестьяне говорятъ, что ночью въ полѣ или даже на выгонѣ ни собака, ни свинья, ни кошка никогда не бросится на человѣка; тамъ въ эти часы бросаются и нападаютъ на людей лишь однѣ вѣдмы, принявши видъ какого-нибудь изъ животныхъ.

— Темнаго вечера въ осыны ишовъ батько мій на каравулъ до церкви, а воно кално, кално було. Це щось якъ заляпотыть та пидъ ноги—пидъ ноги батькови, а батько и бѣ палкою, де воно ляпотыть, та не попаде ёго. Якъ це воно

одстало та черезъ тынъ тилько шургукъ та *свинью*: хрю, хрю, хрю... Тилько чуты, пошлякало. Ото-жъ видьма и була свинью (сл. Колодежная).

— Въ зимній вечеръ парубокъ йшовъ изъ вечерныцъ до дому, а на зустрічъ ему бижыть *свиня* и хрюка. Той парубокъ йде соби та й йде, а та *свиня* начала ёго за полы смыкаты зубамы. Той парубокъ шо хоче ии ударыты та все ны попаде. Такъ винъ водывся зъ нею усю дорогу, поky до дому прыйшовъ, та начавъ крычаты, калавуръ! Выбиглы ёго домашни и оборонылы отъ тii свини. Винъ разъ посёрывся изъ однёю жинкою, а та жинка видьма була и сказала ему: „постой же ты, с—й сынъ, якъ тоби згадаю!“ Ото вона ёму и згадала: перелякала ёго до смерти. Винъ нывовго и живъ на билому свити—умеръ отъ переляку въ скоромъ времени. Отакъ-то зъ видьмую спорыты! а лучше ихъ нызаймай, особливо молодыхъ видёмъ, потому шо вони нымилостиви и сырдытиши отъ старыхъ видёмъ (хуторъ Маліевъ).

— Одынъ мужикъ,—его звалы Матвій,—посёрывся съ однёю бабою, а вона, кажутъ люды, була видьма. Разъ ничъ була темна така, шо хотъ глазъ колы, такъ ничего не видно, и йшовъ цей, батъ, Матвій до дому. Якъ це де нывзялась здорова та *била свиня*, та сердыта, та якъ наскоче на ёго: поку-сала ему ногы и жылы поперегрызала такъ, шо винъ упавъ на землю, а вона ёго все кудовче, та кудовче—кудовчыла довго. Якъ тутъ къ свиту уже дило стало; пивни заснивалы, а вона тоди и побигла геть видъ нёго. Матвій такъ-сякъ дойшовъ до своей хаты та якъ захворавъ та черезъ тыждинъ и вмеръ. Такъ ище якъ винъ бувъ живый, такъ бабы все, батъ, казала, шо це его видьма перелякала (сл. Ново-Осинова).

— Шель мужикъ поздно вечеромъ домой; откуда ни возмись большая *бллая свинья*, да прямо ему подъ ноги. Мужикъ былъ сильный, ударомъ ноги отбросилъ свинью въ сторону, смотритъ уже не свинья, а *клубок* котится за нимъ. Мужикъ испугался и побѣжалъ скорѣй домой. Клубокъ катился за нимъ до самихъ воротъ (сл. Ново-Глуховъ).

— Идетъ по улицѣ поздно вечеромъ домой парень, старшій сынъ у отца, а кругомъ парня бѣгаетъ *свинья*: то спереди, то сзади хрюкаетъ, пробѣжитъ сбоку, но не цѣляетъ. Такъ провожала она парня до дверей хаты, тогда и говорить: „счастье твое, что ты первый у отца, а то-бъ помнилъ меня!“ (тамъ-же).

— Унадилась вѣдьма къ мужику коровъ доить; засѣлъ онъ въ загородѣ; около полуночи видить—*свинья* идетъ; вошла въ загороду и говорить: „ты сидишь?“—Сижу. „Бодай же ты сидивъ до третихъ пивнивь!“ Сама сдѣлалась бабой, сдоила коровъ и ушла, а мужикъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, пока не зашѣли третьи пѣтухи (тамъ-же).

— На краю слободы жила вдова; у нея былъ сынъ парень. Онъ почти никогда не ночевалъ дома, а все на вечерницахъ да на улицахъ. Мать часто бранила его за это; но онъ не обращалъ вниманія ни на просьбы ея ни на брань. Разъ стоять на улицѣ поздно вечеромъ дѣвицы съ парнями и въ числѣ ихъ сынъ вдовы; вдругъ въ толпу ихъ врывается бѣлая свинья. Всѣ бросились было бѣжать, но сынъ вдовы крикнулъ: „чего излякались? бѣйте, хватайте и!“ Схватили свинью, повалили на землю и, отрубивъ ей на переднихъ ногахъ копытца, пустили. Возвратившись утромъ домой, сынъ засталъ свою мать больной, стонущей, съ обвязанными руками. Она стала бранить сына, а онъ ей въ отвѣтъ: „хиба я знавъ, шо це вы были свынѣю“ (тамъ-же).

— Ишовъ чоловікъ изъ Буцковки въ Чернешину, глядъ бижить свиня до ёго и почала ёго штовхаты въ пяту. Винтъ остановився и каже: „иды, поганко, теть; я иду своею дорогою, а ты ступай по своїй!“ Вона и побигла видъ ёго (сл. Ново-Николаевка).

— Одынъ солдатъ жынявся на дивки, у которой мате була видьма и кожную ничъ ходыла до сусидъ доиты коровъ. Салдаты дей бувъ здорово злый и нидобрый, винъ часто ругавъ тещу. Вона разсердившыся на него зробылась разъ кишкою и ничью, якъ винъ выртався отъ товариша, вскочыла ему на плечи и царапавше говорила: „теперъ ты будышь помныты, вражий сынъ, до новыхъ виныкивъ, якъ мене трогаты!“ Проказавъ ци слова видьма зробылась свынѣю и начала такъ здорово турляты его, шо збыла зъ нигъ. Такъ вона промучыла бидного салдата до самой пивночи. Съ нырыпугу цей салдаты захворавъ и пролыжавъ въ больницы тры нидили (сл. Гусинка).

— Иде разъ дидъ по улыци,—це де нывозьмысь кишка, третця вона до дида та й третця. Ударывъ дидъ ту кишку, а вона якъ у воду впала, хто-й-зна де и дилась. Це шо стане иты дидъ—спиткнетця та й упаде и упаде. А якъ дійшовъ до тій хаты, де та саме видьма жыла,—не пиде та й не пиде ногамы. Насылу, насылу до дому дійшовъ. (Сл. Колодежная).

— У чоловіка въ двори бигала у ноци кишка; бига та все хазяину пидъ ноги, все пидъ ноги. Тырпивъ, тырпивъ винъ, а дали взявъ и одрубавъ ий хвистъ. На другой день цей чоловікъ пишовъ до видьмы, а у еи руки нима, винъ и пытае: „де твая рука?“ А вона каже: у ноци приходывъ до мене якыйсь дидъ и одрубавъ. „Ой, бабо, брешышь, брешышь! я, жинко, вчора хвистъ у кишкы одрубавъ, а тоби, бачъ, виля бувъ рукою. Ото-жъ не видьмуй!“ (Тамъ-же).

— Одынъ чоловікъ лигъ спаты, ночью выязанно пробудывся одъ сна и видить: лизе кишка въ окошко. Влизла вона въ хату и стала ходыты по лавкахъ та й найшла на лави кушинъ зъ молокомъ. Стала та кишка хлебаты молоко зъ того кушина, а той чоловікъ потыхеньку вставъ съ постели, пидійшовъ до лавкы и хватъ ту кишку за хвистъ, а вона якъ грызоне его

за руку. Винъ, нывдовго думавше, узавъ ии за нижкы та якъ начавъ ии тарохкаты объ стину головою, ажъ луна йде по хати. Бывъ, бывъ, убывъ та й выволикъ на дорогу. Лыжала вона тамъ усю ничъ, а якъ стало свитаты ожила та тико загула до дому. А той чоловікъ ажъ объ полы бьетця, шонигъ ны поодрубувавъ,—якъ бы винъ ноги поодрубувавъ, то вона бъ лыжала тоди до самого пивдня на одному мисти. Колы хто піймае видьму, то ноги або уха одризуе, ото тоди вси и знатымуть, яка видьма була поймана. (Хуторъ Егоровка)

Какъ въ видѣ клубка, такъ равно и въ видѣ колеса вѣдьма не всегда успѣшно достигаетъ своей цѣли, чаще случается, что она попадаетъ въ страдательное положеніе и, вмѣсто того чтобы наказать своихъ враговъ, сама бываетъ жестоко наказана.

— Ишовъ одынъ салдаты позного вечера, слуха шось торахтыть сзади, винъ думавъ, шо хто йиде, извырнувъ зъ дороги, колы воно шумыть прямо на его; винъ гулькь—котыця *комсо*. Служивый, похоже, бувъ ны изъ торопкыхъ: схватывъ те колысо ливою рукою, а дали знявъ зъ себе поясъ, зануздавъ его и поволикъ на конюшню, тамъ прычыпывъ ему до бантыны. Ураньци салдаты дывыця, а воно высить ны колысо, а жинка изогнута въ кильце. (сл. Преображенная).

— Шель чловѣкъ ночью домой, слышитъ котится *колесо* да прямо на него. Не успѣлъ онъ отскочить въ сторону, какъ оно налетѣло, спибло его съ ногъ, перекатилось черезъ него и покатилося дальше (сл. Ново-Глуховъ).

— Разъ парубкы йшли пиздно вечеромъ по юлыци и спивалы писни. Дывляця на горку, а зъ тїи горкы котыця *комсо* и прямо на тыхъ парубкывъ. „Шо тутъ робыты?“ закрычалы воны уси. А те колысо прыкотылось до ихъ та огнемъ такъ и осыпало усихъ; а дали якъ заскрыгоче, якъ сорока, тоди заскавучало, якъ собака. А между тымы порубкамы бувъ такий хлопцы, шо первый у батька и у матери, та якъ начне винъ те колысо лупыты палкою, ажъ палка потрощылась. А те колысо якъ лыпесне геть, та тики и бачылы его. Якъ хто первый у батька и въ матыри, то тїи людыны бояця уси видьмы, потому шо та людына може попасты палкою видьму; а якъ хто сыредній або меньчий, то той ничего ны подилаеть видьми, а вона его може и злякаты до смерти и набытыця. Видьму можно ударыть хоть кому серцевиною изъ вербы. (Хуторъ Егоровка).

Чтобы вѣдьмы не нападали, совѣтуютъ ходить съ палкою изъ клечанья, которымъ украшаютъ на Троицу хату; вѣдьмы бояться этой палки и обходятъ того чловѣка, у котораго въ рукахъ такая палка. Вѣдьма лишается своей волшебной силы, если ее ударить наотмашъ голымъ бичемъ отъ цѣпа, или ударить по ея тѣни осиновымъ коломъ, или же тѣмъ колышкомъ „прытыкою“, которымъ удлиняють короткіе въ плетнѣ колья, дотачиваютъ ихъ.

Вообще же „якъ видьму быты, такъ усе треба казаты: разъ, разъ, разъ, ны кажы: двичи, трычи, або ще якъ—нёбудь,—ны вбьешъ.“

— Разъ пишлы дви дивчыны въ лись по ягоды, нарвали ягидь и идуть до дому. Дывлюця—по дорози иде *повозка* сама безъ коней; воны посадалы на неи и прыхалы до дому. Вйшлы въ хату и кажуть батькови, шо воны прыйихалы на повозци. Выйшовъ батько, подывывься и узнавъ, шо то его жинка, узявъ батигъ и давай їи полосоваты. Жинка—видьма розсердылась, зробылась собакою и розирвала свого чоловика. Дивчата пишлы подывытьця, шо тамъ батько такъ довго робе, колы бачуть, а винъ лыжыть розирванный. Мате поробылась *колесомъ*, покотылась зъ двору тай хто й зна де дилась (сл. Кабанья).

Являясь людямъ гороховой копной или копной сѣна, вѣдьма тоже не всегда можетъ удачно окончить свои дѣла, потому что и въ такомъ видѣ ей не рѣдко случается столкнуться съ знающимъ человекомъ, а тогда, конечно, ей приходится расплачиваться за грѣхи всѣхъ своихъ подругъ.

— Окончивъ покось на лугу, косари расположились вокругъ огня ужинать. Смотрять, сунется къ берегу озера *копна сѣна*, ссунулась на воду и поплыла на другую сторону озера, тамъ всползла на берегъ и въ темнотѣ исчезла (г. Купянскъ).

— У Сонивци мужикъ взявъ другу жинку, вона була видьма. Разъ мужикъ иде до церкви, а видьма его и просе, щобъ взявъ и їи съ собою, мужикъ ны захотивъ. Отъ иде той мужикъ съ товариствомъ позаду всихъ; товариство благополучно пройихало, а его визъ тилько брыкъ: пырыкнувся. Ото на дорози ёго жинка зъ сердца *копыцею* зробылася, а винъ и ныспышився якъ зѣйхавъ на еи и пырыкнувся. А тоди глядь, копыци ны стало, хто—й зна де дилась (сл. Колодяжная).

— Одынъ чоловикъ йшовъ изъ свайбы до дому; дило було вечеромъ, и винъ бувъ пьяный. Иде соби и спивае песни, а на зустрічъ ему повзе *копыця гороху* та прямо на ёго. Винъ ставъ ту копыцю обходыты, а вона такъ на ёго и повзе, такъ его и душе. Винъ тоди начавъ крычаты калавуръ. Збигся народъ до ёго и нима ничего коло того пьяного чоловика (хуторъ Егоровка).

— Поссорились сосѣдъ съ сосѣдкой. „Будешь ты помнить меня!“ сказала сосѣдка. Вскорѣ послѣ того случилось этому человеку возвращаться домой поздно ночью. Идетъ онъ посерединѣ улицы, видитъ, движется прямо на него *копна сѣна*, свалила и ну душить его. Онъ сталъ кричать караулъ; выскочили къ нему на помощь сосѣди, а копны какъ не было (сл. Ново-Глуховъ).

— Видьма це така лыха лычына, шо якъ на кого вражду мае, такъ ото хотъ и ны дыржы коровы, бо вона їи вже спорте. До нашихъ сусидъ вона якъ унадылась, отъ собаки шо noci валують та й валують, а я соби

на уми: ну, пидожды жь ты, негодна тварь, я ны съ такихъ, щобъ тебе боявсь!—у мене, бачь, ще батько бувъ по цій части дока, та й мене кой-чому навчывъ, того мене всяка така погань обходе.—Дождавше ночи, я и сивъ у себе пидъ тынкомъ. Це такъ якъ люды обиснулы, собаки якъ пиднимуть гвалтъ, наче кого за полы водять, — я тико хотивъ пидняця, колы вона прямо коло мене суне *горовынею*, значиця, *горовою копыцею*. „Чого ты, мара свитова, тутъ собакъ дражнешъ?“. Та за нею. Вона якъ зашумить та въ двирь до сусидъ, а дали на пиддашки; а сусиды спалы въ синяхъ и двери булы одчыныти, воны хлопъ, та й засунылы сини. Вона тоди чырызъ тыны та въ садкахъ десь и заховалась. На ранокъ, бачь, и пройшла чутка обь цій прышти. Скоро ны скоро на нашымъ плану собралась вулиця. Отъ одна баба и проязычыла, що отакый то, бачь, на мене вказуе, впіймавъ видьму таку-то. А въ насъ на ней то подекувалы. Дошло до тії, а вона въ росправу съ жалобою—бачь, якъ їи порочыты?! Тянуть мене туды, „Шожь“, ку: „ловыты я ловывъ, а ны казавъ яку; я й не впіймавъ, а ны вловывшы, звисно, їи ны визнаешъ“. Привелы ту, котора пустыла цю ясу.—Та я, ны я, *Богъ*, не знаю. А дали вдвохъ уже якъ щипылыся, такъ та вже видьми якъ почала доказуваты: „ты, лыха лычына, и ны страмылася бы! Якъ ты отакого-то нывистку доброму навчыла, шо та чырызъ тебе свого чоловіка умыртыла. Вона, добри люды, каже вже судьямъ: отаку-то молодицю навчыла, щобъ вона наварыла зъ ключикамы борщу та нагодувала свекра и свекруху. Та забула ключи выныты, а свекруха сыпе борщу,—це наче въ горшку шось забряжчало; та мыску на стиль, а сама опять до горшка,—глядь, а тамъ ключи. Що це таке? пытае свыкруха. Нывистка ни сякъ, ни такъ—та й призналась. Ти жь, що ны йлы, осталысь живи, а сынъ и ны туды то, найився та вскоросты жь винъ и вмеръ.“

Отъ, бачь, що ци видьмы роблять, а въ нашіи слободи ихъ багацько, я ихъ всихъ знаю (сл. Преображенная).

— Жывъ соби чоловікъ; жинка его була видьма, а дитей у нихъ не було. Разъ прыйшло до неи дви бабы; повмывалысь воны, збилилысь то зильемъ и поробылысь одна *собакою*, друга *копыцею*, а третя *деревомъ* дубомъ и пишлы доить коровъ. Потимъ того прыходять до дому, чоловікъ засвityвъ свитло, заперъ двери на замокъ и тоди давай дупить собаку веревкою. Бывъ, бывъ ажъ погы вона стала жинкою. Тоди сокырою перерубавъ дубка, а копыцю сина поризавъ на сичку. У ранци встае, а въ вего одна жинка лыжить на двое разрублына, а друга на куски поризана (сл. Кабанья).

— Зробылась видьма *копыцею* сина и посунулась по дорози. Прысунулась до коровы и стала їи доиты, а корова побачила, шо коло неи сино, стала его йсты. Якъ здоила корову, то посунулась до дому. У ранци всталы диты и бачуть, шо у матери вырвано волосья на голови,—ото его корова

позыдала. Корова дожила до ранку та й здохла. Хозяйка тіи коровы пишла до видьмы и баче, шо та варе кашу до молока. Вона и пытаеця: „дешъ ты взяла молока, у тебежъ нема коровы?“. Та я соби купыла. „Купыла?! купыла у нашої коровы, шо теперь здохла“. Тоди хозяйка прыйшла до дому и зидрала зъ коровы шкуру, розризала живить и найшла тамъ волосся зъ цілои головы (тамъ-же).

Выходитъ, что вѣдьма отводитъ, какъ выражаются крестьяне, глаза не только людямъ, но и животнымъ. Слѣдующій рассказъ служить дальнѣйшимъ подтвержденіемъ этого взгляда.

— Одынъ разъ видьма зробылась собакою и пишла доиты корову. Прышла до коровы, доила іи, доила, ажъ поке та не стала даваты молока; тоди видьма зробылась *тылямъ*, прысцала корову и вона стала даваты зновъ, молоко, а видьма впьять стала іи доиты. Якъ надоила повну дѣйныцю, то взяла зъ неи трохе молока и позамазувала корови дѣйки. У ранци пишла хазайка доиты корову, ажъ вона не доетця. Сякъ-такъ трохе здоила, а воно й то червоне. Тоди вона ввийшла въ хату, затопила пичку и стала на сквороди прятгы це молоко и лыты его пидъ поригъ. Ажъ ось прыбигла баба и загляда въ пичку, де пряжеця молоко. Хазайка стала просыты іи, шобъ вона справыла корову. Видьма пишла справыла и корова стала доитьця (сл. Кабань).

— У одной женщины была взрослая дочь, собой некрасивая, и одинъ изъ знакомыхъ парней часто дразнилъ ее. Долго терпѣла дѣвчушка, наконецъ пожаловалась на парня своей матери, а мать то ея была вѣдьма. „Я ему покажу, какъ обижать мою дочь“, сказала она. Разъ тотъ парень съ товарищемъ пасъ на лугу воловъ ночью и нужно было ему сходить зачѣмъ то домой. Лугъ былъ сухой; но не прошелъ парень и половины луга, какъ видить впереди себя болото, съ каждымъ шагомъ впередъ ноги все глубже уходятъ въ грязь. Попробовалъ идти въ сторону и тамъ вода и кунины; повернулъ назадъ—кругомъ болото. Бился онъ, бился—не выбьется изъ болота, ну кричать, звать товарища на помощь. Долго кричалъ онъ, пока тотъ услышалъ и, подходя къ нему, спрашиваетъ его: что случилось? чего кричишь? — Да развѣ не видишь, что я никакъ не выберусь изъ болота. „Гдѣ тамъ болото? ты стоишь на сухомъ мѣстѣ, какъ и я.“ Оглянулся парень: дѣйствительно кругомъ сухо, даже трава сухая. Такъ вотъ какъ наказала вѣдьма парня за насмѣшки надъ дочерью (сл. Ново-Глуховъ).

— Уже на основаніи вышеприведенныхъ рассказовъ позволительно сдѣлать выводъ, что, по взгляду крестьянъ, способность къ превращеніямъ у вѣдьмы неограничена, что вѣдьмы могутъ принимать на себя видъ не только разныхъ животныхъ, но и разныхъ предметовъ. Настоящій выводъ находитъ дальнѣйшее подтвержденіе въ слѣдующихъ рассказахъ:

— Шелъ одинъ человѣкъ съ работы домой. На дворѣ была темная ночь. Вдругъ онъ во что-то запутался на дорогѣ и упалъ на землю. Оказалось, что на дорогѣ лежалъ новый *полушубокъ*. Обрадовался человѣкъ такой находкѣ, взялъ его подъ мышку и пошелъ домой. Пришедши къ себѣ, повѣсилъ найденный полушубокъ на вѣшалку. И что же? — Наутро оказалось, что на вѣшалкѣ вмѣсто полушубка виситъ женщина-вѣдьма (г. Купянскъ).

— Рано по утру вышелъ хозяинъ изъ хаты взглянуть на скотъ и увидѣлъ подъ одной коровой вѣдьму. Бросился онъ къ ней, но она исчезла. Подошелъ онъ къ коровѣ поближе и нашелъ тамъ большую *иголку*; взялъ онъ эту иголку, принесъ въ хату, затянулъ въ ушко нитку и повѣсилъ на крючекъ. Утромъ видить-на крючкѣ виситъ баба, за уши привязанная. Мужикъ снялъ бабу, набилъ ей въ руки и ноги гвоздей, а потомъ отпустилъ домой. Съ тѣхъ поръ вѣдьма перестала ходить къ его коровамъ. (г. Купянскъ).

— Одна жинка вечеромъ шукала своихъ тылять. Уже й смеркло, а тылять ны найшла. Ничъ була свитла одъ мисяця. Ходыла та жинка коло дороги, дывыця — шось блищыть на дорози; вона пидойшла, а воно — *голка* лыжыть; жинка и взяла ии. Прыйшла додому, глянула на ту голку, а вона верушыця. Жинка начала будыты своего чоловика, шобъ и винъ подывывся на ту голку, а якъ збудыла своего мужа, то иголки вже ны було: двери самы одчынылысь и вона переробылась на *мышь* и выскочыла изъ хаты (х. Маліевъ).

— Иде жинка по вулицы, дывыця-на дорози лежить *голка*; вона нагнулась, трычи перекрыстыла ии, взяла и пишла додому. Увечери сила та жинка шыты ею, потимъ того замотала ии въ полотно и положила на лави. Уранци встала, а на лавци, вмѣсто голки, лежить гола жинка въ полотни и нитка протянута въ ухы (сл. Кабанья).

— Иде жинка по вулицы и баче — сунуця по дорози *голка*; вона ии пидняла и пишла дальше. Назустрічъ иде ии кума. „Здорово, кума?“ — „Здорово. „Куды йдешъ?“ — Та иду кущыты соби голку. „Кущы въ мене, — я знайшла на дорози,“ — Продай. Шо даты? „Копійку.“ — На. Прынесла додому кума голку, положила на лавци, а зъ голки зробылась баба (тамъ-же).

— Ъхалъ человѣкъ по дорогѣ верхомъ, а на встрѣчу ему катится *клубокъ* и ударилъ коня его въ ногу; конь сейчасъ сталъ хромать на ту ногу, а человѣкъ взялъ тотъ клубокъ, привезъ домой и наткнулъ его на колъ. Прошло немного времени, пока убралъ лошадь, взглянулъ и видить, что, вмѣсто клубка, виситъ женщина. Взялъ онъ ее въ хату и говорить: „ну, голубушка, теперь попалась, ужъ я тебя спалю!“ И вбросилъ ее въ горящую печь, но только хотѣлъ придавить ее тамъ, какъ она превратилась въ *ворону* и сама вылетѣла изъ печи и вынесла изъ нея весь огонь. Мужикъ успѣлъ, однако, схватить ворону и понесъ ее въ поле, распялъ и хотѣлъ разстрѣ-

лять. Только прицѣлился — нѣтъ вороны; идетъ къ тому мѣсту, а тамъ *она* лежитъ. Взялъ онъ иглу, принесъ домой и воткнулъ ее въ стѣну. Но она недолго тамъ торчала: сдѣлалась *мухой* и вылетѣла изъ хаты такъ, что и мужикъ этого не замѣтилъ (сл. Тарасовка).

— Жывъ соби чоловікъ та жінка; а та жінка его була видьма. Видьмувала вона такъ, шо и чоловікъ їи нызнавъ, шо вона видьма. Отъ одынъ разъ чоловікъ проснувся одъ сна, глядь-жінкы нымае на постели. Дило було у ночи, саме сырьдъ ночи. Винъ тоди засвѣтивъ лампу и начавъ шукаты свою жінку. Шукавъ, шукавъ-ны найшовъ; вдругъ самы двери одчынылысь и влытила въ хату *муха* и начала литаты по хати: ажъ гуде, а той чоловікъ и ныпускае зъ очей тіи мухы. Та якось задывывся въ другу сторону, а зъ тіи мухы стала его жінка, а винъ якъ уздривъ їи, то такъ жахнувся, шо изо страху умеръ чырызъ дви ныдили и пять день (х. Маліевъ).

— Ишовъ солдатъ зъ службы додому и впросывсь почувать до одной жінки въ хату, а та жінка була видьма. Въ ночи вона пишла коровъ доить. Пишла тилько душа їи, а тило осталось и лежитъ якъ мертве. Солдатъ побачивъ, шо воно мертве лыжить, взявъ и перевырнувъ тило головою туды, де ноги, а ногамы туды, де голова лежала. Враньци вырнулась душа видьмы и не може въ тило войты: нидходе разными видами и *куркою* и *мускою*, и *мухою*, и *бжолою*, — ниякъ въ тило не попаде. Пролежало такъ до обидъ; въ обидъ солдатъ узявъ и перевернувъ тило такъ, якъ душа его покынула, заразы душа и вйшла: ожила жінка, важко, переважко здохнула, а солдатъ сказавъ: „добигалась!“ Ничого видьма ему не отвѣтила (сл. Тарасовка).

— Разъ вечеромъ парубкы йшли на вечерныци и побачылы на дорози *дошку*, аршынь зо тры довжыны, а шырына тико одынъ аршынь. Ото вони узялы їи та й поныслы на вечерныци, дорогою й гомонять: оце буде зъ чого робыты балалайкы. Прийшли ти хлонци на вечерныци и ту дошку уныслы у хату тай положиы сырьдъ хаты. А та дошка заразы зробылась *собакой* та тико стрибъ — выскочыла у викно-и помынай якъ звалы (х. Маліевъ)

— Одна видьма зробылась *яблукомъ* и котыця по дорози, а хлопец пиднявъ ёго та й зйвъ. Увечери прийшовъ додому, повечерявъ и лигъ спаты. До пивночи спавъ тыхенько, а якъ заспывалы пивни, то у его стало въ животи шось ворущытьця. Досвита ему пузо роздуло, якъ барыло, а потимъ лопнуло и видтиля вылизла баба (сл. Кабанья).

— Одынъ чоловікъ поспорывъ изъ жінкую днемъ, а та жінка и сказала тому чоловікови: „помны, с—й сынъ, я жъ тобі!... тымъ и кончилось. А якъ наставъ вечеръ, то той чоловікъ пишовъ до свого сусиды позычаты грошый, та тико выйшовъ изъ своего двору, на его набигла видьма *витромъ*,—

ажъ трохи нывпавъ. Прошло часа два и на того чоловіка напалась хвороба — пропасныця, и винъ черезъ выдилю умеръ. Отакъ-то видѣмъ займаты! А лучше имъ нада уважаты и ладнаты зъ ными, щобъ вони тоби ніякого зла ныробылы. А якъ поспорышъ зъ видьмою, то мырщій иды до ихъ началныка — опырякы и просы его, щобъ винъ тебе помылувавъ и щобъ прыказавъ тій видьми, зъ якою ты поспорывъ, щобъ вона ны займала тебе. Отъ якъ опыряка прыкаже видьми шо — ныбудь, то вона его послуха, хоть ныхай якъ вона буде съ тобою сырдыта: видьмы по его прыказу поступають (хуторъ Егоровка).

— Одынъ чоловікъ визъ дубы и треба ихъ черезъ паромъ перевезты, а винъ бувъ знахуръ. Грошей у нѣго не было за перевозъ заплатыты, винъ и каже хозяйину перевоза: „перевызитъ мини дубкы, а я за то скрызъ дуба пролизу.“ Хозяинъ дыву дався, захотивъ побачыть, якъ винъ то зробе. Поладылы, перевезлы дубкы. Знахуръ отвивъ очи перевозчику и полизъ по дубкахъ, а имъ здаетця, шо винъ скрызъ дуба лизъ. А тутъ пидъйзжа видьма и закрычала: чему вы дывуетесь? винъ лизе по дубкахъ, а не въ середину.“ Знахаръ осерчавъ на видьму и закрычавъ: „подывысь, у тебе кони подохлы!“ И справди, усы бачуть, кони дохлы лежать. Видьма стала просыть знахура, щобъ простывъ; стала ему кланятьця. Винъ пославъ ии додому и самъ прыйшовъ до неи и каже: „Бачъ, яка розумна! хотила мене пидвысты, а сама здобрунала и кони подохлы. Я скільки бачывъ, якъ ты бигала за своими дилами; вздринавъ, якъ ты несла молоко одъ чужыхъ ко ровъ, я не мишавъ тоби, а знаешъ, замовывъ-бы такъ, шо вдруге ни пишла бъ. Ну; иды вже, возьмы своихъ коней, та бильшъ такъ не робы!“ А видьма пытае: якыхъ коней? у мене була пара и ти подохли. „Пиды заберы ихъ.“ Пишла, а кони живи, стоять запряжени. (Сл. Тарасовка).

Знахари, въ особенности упыри, иногда показываютъ свою власть надъ вѣдьмами, заставляя ихъ являться въ разныхъ видахъ или же наказывають вѣдьмъ, когда тѣ рѣшаются вступить въ борьбу съ ними.

Идетъ ночью по слободѣ мужикъ-упырь и видитъ собаку. Взглянувъ на нее, онъ сразу узналъ, что то была не простая собака, а извѣстная ему вѣдьма. Остановился и обращается къ ней со словами: „Славная собачка, славная собачка! а еслибъ ты да сдѣлалась свинушкой!“ Собака сейчасъ же по разговору узнала своего собрата—начальника и обратилась въ свинью. Упырь говоритъ: „славная свинка, славная свинка! а еслибъ ты да сдѣлалась телушкой!“ Свинья сдѣлалась телушкой. Тогда упырь приказалъ ей сдѣлаться жеребенкомъ. Вѣдьма превратилась въ жеребенка, упырь взялъ и отвелъ его къ кузницѣ и попросилъ кузнеца подковать приведеннаго жеребенка на всѣ четыре ноги. Когда жеребенокъ былъ подкованъ, упырь от-

пустилъ его. Утромъ въ слободѣ многіе узнали объ этомъ и приходили посмотреть на подкованную женщину—вѣдму (г. Купянскъ).

Бѣхали чумаки съ рыбой, а вѣдьма хотѣла украсть у нихъ рыбы, сдѣлалась *собакой* и пошла между возами. Вѣдьма была еще молода и не вполне свѣдуща, а между чумаками былъ знахарь. Онъ замѣтилъ вѣдму, взялъ желѣзный скворень, спрятался за возъ и, когда вѣдьма поднялась, чтобы взять съ воза рыбы, ударилъ ее шкворнемъ. Вѣдьма хотѣла было превратиться чѣмъ-нибудь другимъ; но и это ей не удалось сдѣлать, потому что знахарь тотчасъ такъ ее заговорилъ, что она стала безсильной и не способной къ превращеніямъ. Собрались прочіе чумаки и стали бить собаку; ее избили такъ, что она едва дышала. Тогда знахарь обратилъ ее опять въ женщину и такъ какъ она была до того избита, что не могла идти, то чумаки отнесли ее въ ея хату и тамъ бросили едва живую. Кончается эта вѣдьма и такъ страшно мучится, что все присутствовавшіе въ испугѣ убѣгаютъ изъ хаты. Узнавъ объ этомъ, приходитъ ея подруга и проситъ просверлить поверхъ дверей насквозь дыру. И какъ только это сдѣлали, вѣдьма въ ту же минуту умерла, и на всю хату пошелъ смрадъ (сл. Тарасовка).

Оралы орачы у поли, и корова тамъ була. Вѣдьма и захотила ии здотить и ходы коло воза въ разныхъ видахъ: то *собакою*, то *коровою*, то *кишкою*. Орачы побачылы, шо воно все пидходе то тымъ, то другимъ, и догадались, шо то видьма и стали пидстерегать. А вона перекинулася *кобылою* тай иде; воны ии и піймалы та взяли и пидкувалы, а тоди и пустылы. Прыйздыть до дому, а имъ и кажуть, шо чудо проявилось: сусидка ходо пидкована, на рукахъ и на ногахъ пидковы. Воны ничего ны сказали, а пишлы до неи. Видьма стала прохаты, щобъ ии простылы, стала клятьця и дала зарокъ бильше не видьмувать. Орачы простылы и роскувалы ии (тамъ же).

Поздно вечеромъ вышли изъ шинка рекруты съ дядькой своимъ, старымъ унтеромъ, идуть по ахтырской улицѣ и поють. Смотрять, на встрѣчу имъ ползеть *копна сына* и загородила имъ дорогу. Испугались рекруты, пѣсня оборвалась, бѣжать бы да стыдно дядьки, а онъ пошатывается да посмѣивается только. „Что, трусили, ребята? Ничего, не бойтесь: мы и не такихъ видывали! А вотъ выдерните-ка изъ копны по жменькѣ сѣнца, сказалъ старый унтеръ своимъ трусившимъ было племяшамъ. Тѣ двинулись храбро къ копнѣ, только что за сѣно, а передъ ними уже стоитъ бѣлая *лошадь*. Снова оторопѣли рекруты. „Тиру!“ крикнулъ унтеръ и приказалъ имъ взять и отвести лошадь къ кузнецу. Вызвали кузнеца да и подковали лошадь на все четыре ноги. Подкованная лошадь оказалась, какъ это въ подобныхъ разсказахъ всегда случается, женщиной (г. Купянскъ).

Видьма зробылась *кобылою* и пишла гулять по вулицы. Мужыкы іі ввіймалы, підкувалы на чотыри ногы и пустылы. На другый день чують: баба підкована на руки и ногы. (сл. Кабанья).

Шелъ въ городъ молодой крестьянскій парень; застигла его въ дорогѣ ночь; онъ и зашелъ на постоялый дворъ переночевать, а хозяйкой тамъ была старуха. Она охотно приняла парня, и онъ расположился спать въ сараѣ, потому что время было лѣтнее. Вдругъ слышитъ онъ, заскрипѣла дверь и видитъ, входитъ въ сарай безобразная старуха, подходитъ къ нему, протягивая руки, какъ бы желая обнять его. Парень отворотился отъ нея къ стѣнѣ, но тотчасъ почувствовалъ у себя на плечахъ старуху, которая вынесла его затѣмъ въ поле и начала ѣздить на немъ по полю. Парню кое-какъ удалось вывернуться изъ-подъ старухи и самому сѣсть верхомъ на старую вѣдьму. Онъ долго ѣздилъ на ней, пока, наконецъ, она въ изнеможении упала. Тогда парень, избивъ вѣдьму до полусмерти, бросилъ ее среди поля, а самъ отправился въ городъ. (г. Купянскъ).

Полюбылись парынь зъ дивкою и собирались, якъ водитця, побраця цопъ—въ осыны того парубка забрали въ солдаты и погналы кудысь далеко; а дивчына его такъ и осталась. Отъ въ городи тимъ, чы станицы, чы де тамъ винъ служывъ, одна дивка опьять возьмы и влюбысь въ ёго и до того влюбысь, шо хотъ пытлю на шею. Вже вона шо, ны шо,—такъ ни, винъ до неі просто ньякъ, стало быть домашнеі ще ны забувъ. Томылась та дивка, томылась, а дали ны въ мочь ій стало и призналась своій матери: такъ и такъ, ка, жысть свою рышу. А маты іі була видьма. Звисно, матери жалъ своєї дытны, вона и здумала прычарувать до дочки того солдата. Зробыця було ось якою ны такою разкрасавицею и явыця до его у ночи, начне коло его лыстыця, прыпадаты, и такъ его що ночи измучы, шо винъ на ранокъ встае, якъ вялый. Довго винъ тырпывъ, мовчавъ, наконецъ того выбывая изъ мочи и ставъ жалыться гундырю: такъ и такъ, дядя, говорить: просто ныззя жыть, шо за красавиця и самъ не знаю, ну только спокою мині недаеъ. А гундыряка той похоже бувъ дока по цымъ частямъ. „Вотъ, говорить, ны знаешь што, это вѣдьма; хошь, помѣняемся мѣстами, такъ я ее проучу!“. Той, звисно, зо всымъ удовольствіемъ. На другу ничъ гундырь лигъ на постели солдата и заховавъ підъ подушки вуздечку. Отъ являиця опьять видьма, винъ заразы кыдъ на неі вуздечку та: тпру! вона вдругъ зробылась *кобылою*. Той тоди сивъ на неі верхы и давай іі ганяты. Ганявъ, ганявъ, ажъ пока мыло на ній впало, а дали посадывъ ще й солдата. И такъ уходылы сердешну, шо вона ледве на ногахъ дыржалась. Потимъ повылы іі въ кухню, підкувалы іі на вси чотыри и опьять начали вататьця. На зори гундырь знявъ съ кобылы вуздечку, вдарывъ нею іі по спине и вона опьять зробылась бабою. Ледве жива потынялась видьма до

дому, побрызкуючи підковами, зализла на пичь та й плаче; дочка тожъ плаче и ны знаютъ, якъ горю своему пособить, а дали рышлысь просить тожъ гундыря, щобъ винъ положить гвивъ на мылость. Винъ повивъ ии въ кузню и розкувавъ. (сл. Преображенская).

У одного сельскаго писаря не было дѣтей, а имѣлъ онъ у себя племянника, котораго любилъ какъ роднаго сына. Племянникъ былъ портной. Онъ познакомился съ купеческой дочкой, и они провели два года въ любви, а на третьемъ поссорились. Портной спалъ лѣтомъ на дворѣ подъ сараемъ и ложился спать всегда поздно. Разъ только что онъ улегся на своемъ обычномъ мѣстѣ, подходитъ къ нему молодая *кобылица* и начинаетъ пожирать крышу сарая надъ его постелью. Ночныя посѣщенія этой кобылицы вредно подѣйствовали на здоровье молодаго человѣка. Онъ сталъ худѣть, сохнуть, дядя и спрашиваетъ его: „скажи мнѣ, Петя, чѣмъ ты боленъ? Тотъ отвѣчалъ: я ничѣмъ не боленъ, но чувствую съ того времени, какъ поссорился съ одной дѣвушкой, такую тоску, что когда ночью прибѣгаетъ ко мнѣ молодая кобылица и начинаетъ жрать съ сарая крышу, то я чувствую такую боль, будто она вырываетъ у меня въ это время изъ груди мое сердце: словомъ, онъ открылъ своему дядѣ всѣ свои тайны. Да дядя его и самъ зналъ все это хорошо, еще лучше его самого, потому что онъ вѣдь не даромъ слылъ въ слободѣ за знахаря. Выслушавъ племянника, дядя посоветовалъ ему разыскать мѣсто, гдѣ бабы трутъ коноплю, собирать тамъ термиты и сплести изъ нея обротъ. Тогда лечь на свое обычное подъ сараемъ мѣсто и ожидать прихода кобылицы. А когда она прійдетъ и станетъ жрать крышу на сарай, схватить ее правою рукою за гриву, а лѣвой накиннуть на нее обротъ; затѣмъ сѣсть на нее, окрутиться на мѣстѣ одинъ разъ кругомъ и потомъ пустить ее. Послѣ этого она никогда уже не будетъ являться по ночамъ мучить тебя. Такъ окончилъ дядя свой совѣтъ. Племянникъ исполнилъ все по совѣту дяди. Кобылица повалась въ обротъ и покорно стояла подъ рукою; онъ сѣлъ на нее, окрутился разъ на мѣстѣ, и ему показалось такъ хорошо, что даже вообразилось, что онъ обѣхалъ весь свѣтъ. Тогда онъ окрутился другой разъ и третій, а тогда и думаетъ: что мнѣ съ нею дѣлать? И вздумалъ подковать ее. Поѣхалъ до кузнеца и просить его подковать кобылу. Кузнецъ сперва не соглашался подковывать въ ночное время, думая, что эта кобылица можетъ быть ворованная, но когда ему предложено было три карбованца, онъ согласился. На дворѣ между тѣмъ свѣтало, и кузнецъ, вышедши изъ хаты, тотчасъ узналъ племянника своего сельскаго писаря и спросилъ: гдѣ вы взяли, Петръ Самойловичъ, лошадь и что васъ принуждаетъ теперь ковать ее? Портной просилъ скорѣе подковать, говоря: послѣ все узнаете. Подковавши кобылицу, снова сѣлъ на нее и поскакалъ быстрѣе птицы домой, тамъ слѣзь, снялъ обротъ и, отпуская,

проговорилъ: „ну, теперь ты не будешь больше ко мнѣ ходить и сердце мое сушить! „Легъ спать и проспалъ до утра благополучно. На другой или на третій день узнають, что дочь купца лежитъ больна, что она подкована, а черезъ нѣсколько дней — что она умерла и что умирая она просила своего отца, чтобы по ея смерти на могилѣ ея сидѣлъ три ночи племянникъ сельскаго писаря, бывший другъ ея. Отецъ обѣщалъ безпрекословно исполнить ея просьбу и просилъ Петра Самойловича просидѣть на могилѣ ея три ночи. Этотъ опять обратился за совѣтомъ къ своему дядѣ. Дядя сказалъ ему, что просьба умершей должна быть исполнена, но вмѣстѣ съ тѣмъ посоветовалъ ему достать пѣтуха, взять его съ собой на кладбище, сѣсть на могилѣ за крестомъ и, когда явится какое-либо видѣніе, придавить пѣтуха, чтобы онъ закричалъ. Послѣ крика пѣтуха все исчезнетъ. Племянникъ поступилъ по совѣту дяди: досталъ пѣтуха, пошелъ и сѣлъ на могилѣ купеческой дочери за крестомъ, — дожидается, что будетъ. Въ полночь вдругъ раскрывается могила и оттуда вылазитъ купеческая дочь. Вылѣзла, осмотрѣлась и начала свистать, кричать. На ея свистъ и крикъ появляются разныя чудовища и ждутъ ея приказаній. Она приказываетъ однимъ тотчасъ поставить кузницу, другимъ развести огонь и наковать подковы, третьихъ посылаетъ въ известное мѣсто подъ сарай взять и принести сюда на кладбище портнаго. А онъ сидитъ ни живъ, ни мертвъ за крестомъ, а потому они не видятъ его. Отправились посланные, искали, искали его въ указанномъ мѣстѣ, — не нашли; побѣжала она сама къ нему въ домъ, но скоро возвратилась назадъ и бѣжитъ прямо къ нему за крестъ. Видя бѣду, портной придавилъ пѣтуха, пѣтухъ закричалъ и все въ одно мгновеніе исчезло. Тоже повторилось на вторую и на третью ночь, — портной во время успѣвалъ заставить пѣтуха крикнуть и остался невредимъ, отдѣлавшись однимъ страхомъ. И такъ намѣреніе ярытницы подковать своего прежняго друга не осуществилось, потому что дядя его самъ былъ изъ волшебниковъ, и совѣтъ его спасъ молодого человѣка. (г. Купянскъ. Сообщилъ Сухоносовъ).

— Жила собі старуха, а у неї бувъ онучекъ. Ходивъ вінъ на ярмарокъ, тамъ купивна побачить его, що вінъ иде на ярмарокъ, та вибіжить на вулицю та й каже: „молодець, молодець, якъ бы ти мій жеребець, ябъ на тоби йздыла, йздыла!“ Це вінъ иде на ярмарокъ, вона ему такъ каже; изъ ярмарку иде, вона ему также каже, а вінъ и не зна, що їй отвичаты. Та пришовъ до дому та й хвалится своїй бабущи. „Бабушко, якъ я шовъ на ярмарокъ мимо купцивого двора, а купивна вибіжить, его дочка, та й каже мѣни: молодець, молодець, якъ бы ти мій жеребець, я бъ на тоби йздыла, йздыла! а я и не знаю, що їй и казаты.“ — А ты, сынку, якъ пидешъ на ярмарокъ, такъ скажи їй: дивица, дивица, якъ бы ты мая кобылица, я бъ на тоби йздивъ, йздивъ! Отъ вінъ пишовъ на ярмарокъ, вона й вибігла

та й ему и каже: молодець, молодець, якъ бы ты мій жеребець, а бѣ на тоби йздыла, йздыла!“ А винъ тоди йй и каже: „дивица, дивица, якъ бы ты моя кобылица, ябѣ на тоби йздывъ, йздывъ!“ Ихъ, вона такъ и схватылась кобылицею; винъ сивъ на неи верхомъ та й пойхавъ у чистое поле Уже винъ на неи йздывъ, йздывъ и по лисахъ, и по ярахъ, и по буграхъ, та такъ ии выйздывъ, шо зъ неи мыло впало и повернувъ до дому. Прийхавъ до двору до ии,—вона упала коло ворить и переробылась на дивку и здохла. Той хлопець прыйшовъ до дому, а тамъ вышла горнышна за ворота, ажъ лежить ихня панянка вмерша: ны зна ниhto, шо зъ нею случилось. Та й узялы ии въ комнату, нарядылы, та й положили на столи. А вона була *ярытница* и батько ии *ярытныкъ*, и визнавъ винъ, шо то бабушкинъ внукъ ии зайздывъ, и прыйшовъ до его наняты его читаты надъ дочкою у церкви цилу ничъ. Ну, винъ сперва не соглашався, не хотивъ идты, а бабушка ему и каже: „Иды, сыну, помолысь Богу, та й иды.“ Ото тоди винъ, той онучокъ, и каже батькови *ярытныци*: „а скільки вы мини дасте, шо я буду читаты?“—50 рубливъ. „Ни, за 50 не хочу, якъ сто дасте, тоди пиду.“—Ничого съ тобою робыты, на и сто, тилько иды. И пишовъ соби купецъ до дому. Ну, дождалысь вони вечера и той убирается, внукъ, идты читаты надъ купцивною, а бабушка ему и каже: „ну гляды, сынокъ, читай та не оглядайся никуды и поставъ изади себе Матерь Божу.“ Отъ винъ убрався и пишовъ. Прийшовъ у церкву, изнявъ со стины икону Матерь Божу и поставивъ изади себе, взявъ псалтырь, ставъ у нигъ купцивны и читае. Отъ винъ тамъ читавъ, ничого ему ны показується, якъ о пивночи вдругъ пиднимается крышка зъ гроба и встае купцивна. Устала, якъ засміялась, руками сплеснула и каже: „вставайте, мои друзья пріятели, шукайте мово неприятеля!“ Якъ зашумили зъ пидъ полу мертвеци, та багато, багато, и почалы бигаты по церкви. Шукалы, шукалы—и не найдуть ниякъ. Тутъ пивни: кукуреку, такъ ти вси мертвеци и зашумили пидъ пиль, а купцивна такъ и вдарылась по середини церкви и стала не жива. Той тоди хлопець бросивъ читаты, узявъ купцивну положивъ у гробъ, накрывъ серпанкомъ и крышкою и опяты ставъ читаты. Уже розвыдняется, приходе купецъ: „ну, шо, читаешъ?“—Читаю, отвичае хлопець. А купецъ тилько и сказавъ: угу! вынявъ сто рубливъ, отдавъ ему та й каже: „приходи на другу ничъ читаты.“—Якъ дасте пивтораста рубливъ, такъ прыйду. „Ничого съ тобою робыты, дамъ, тилько прыходъ.“ Ну, и пишлы зъ церкви, а церковь зачинылы. Ото той пишовъ, онучекъ, до дому, а бабушка и пытается: „якъ тамъ тоби, сынокъ, було?“—Та ничого ще, бабушко: уставала купцивна, бигала по церкви, багато мертвецивъ зъ пидъ полу вылазыло, бигалы, шукалы мене и не нашлы. Та казавъ купецъ, шобъ прыходивъ йще на другу ничъ. „Ничого, сынокъ, иды; тилько теперь, якъ пидешъ, такъ поставишь сзяду себе святу Покрову, та й опяты все

читай, все читай—ны дывысь назадъ, щобъ тоби ны було, не оглядайся—читай.“ Ото дождалы воны вечера и пишовъ винъ читаты. Прийшовъ у церкву, изнявъ съ стины Покрову, поставивъ сзадѣ себе, взявъ псалтырь и ставъ читаты. Отъ винъ читавъ, читавъ до пивночи, и встае опять купцивна. Устала, якъ засміється, захлопала руками: „устанавли, мои друзья пріятели, шукайте мого неприятели!“ Такъ и зашумили зъ пидъ полу мертвеци. Якъ нашлы его, начали коло его спиваты, грають, у палочки бьютъ, щобъ винъ глянувъ на нихъ, и руками его достаютъ не достануть. А винъ все чита, все чита. Отъ пивни заспивалы, мертвеци такъ и зашумили пидъ пиль и купцивна вдарылась по середыни церкви. Винъ бросивъ читаты, взявъ купцивну, положивъ у труну, накрывъ серпанкомъ и крышкою и опять ставъ читаты. Дочитався до утра, приходе батько іи и каже: „ну, шо, читаешь, малый?“—Читаю. Винъ опять тилько и сказавъ цему: „ну, приходи, братъ, и на третью ничъ читаты.“—Дасте триста рубливъ, такъ прийду. „Ничого съ тобой робить, дамъ, тилько приходи.“ Тоди вынувъ гроши за цю ничъ, отдавъ та й ще приказуе: „ты жъ приходи, братъ, не обмань!“—Харашо, ни, будьты покойни, прийду. Ото и пишлы воны зъ церкви. Прийшовъ той хлопецъ до дому; тамъ пытается его бабушка: „якъ тоби, сыночекъ, тамъ було?“ Винъ ій рассказавъ все, якъ було. „Ище козавъ, щобъ приходывъ на третью ничъ.“—Ничого, сынокъ, молись Богу та й иды. Теперъ, якъ пидешъ, такъ обставышься кругомъ Спасытелями. Прийшовъ винъ у церкву, обставився кругомъ Спасытелями, взявъ псалтырь и почавъ читаты. Тилько смеркло, вона уже и встае. Устала, засміялась, захлопала руками: „устанавли, мои друзья пріятели, шукайте мого неприятели!“ Такъ и зашумили зъ пидъ полу мертвеци та й вси въ серпанкахъ и почалы коло его крутыться, скакаты, достоваты его руками не достануть. Танцюють передъ нимъ, сміются, щобъ винъ глянувъ, тоди бъ воны его розирвалы. А винъ такы все чита та чита, не дывытся на нихъ. Ото воны доставалы, доставалы его, ничого не зроблять—не достануть, та й побиглы уси зъ церкви на смиття шукаты щепокъ тыхъ, шо съ обохъ краивъ пидналыны, и нашлы. Прийшлы въ церкву и начали пидкопуваты тымы горилымы щепками доску, де винъ стоявъ, щобъ его зворухнуты зъ миста. Та вже отъ отъ пиднимуть. А его бабушци такъ усю ничъ не спытся, та шей бачыла вона, шо бигалы мертвеци по смиттю. Ото встала вона, одяглася, та скоришъ пидъ сидало, та за пивня, та пивня пидъ мышку, та й побигла до церкви. Прибигла до дверей, та якъ придаве пивня рукою, а винъ: кукурику та трычи. Такъ ти мертвеци такъ пидъ пиль и зашумили, а купцивна середъ церкви ожарылась и зробылась не жыва. Винъ іи узавъ, положивъ у труну, накрывъ серпанкомъ, сверху ще крышкою и ставъ читаты. Тутъ трохи перегода стали питухи спиваты, винъ тоди самъ соби и каже: слава тоби Господы! Ото винъ

тамъ читавъ, читавъ и дочитався, стало, слава Богу, свитаты. Воно ще рано, а купецъ вже й прыйшовъ и каже: „а шо, читаешъ?“ Той хлопецъ ему въ отвѣтъ: читаю: Пишовъ той купецъ по церкви та й каже: „моя дочка була яртныця, а цей ще похлеще моеи дочкы.“ Отъ тутъ винъ отдавъ ему 300 рубливъ; хлопецъ взявъ гроши и пишовъ до дому. Прыйшовъ и пытается въ его бабушка: „шо, сынокъ, якъ тоби тамъ було?“—Я думавъ, бабушко, шо це моя смерть прыйшла, ажъ воно, слава Богу, заспывалы питухи, такъ воно все счезло. А ему и каже бабушка: „це я, сынокъ, прыходыла тоби пидсобляты; такъ мини всю ничъ не спится та й не спится, якъ гляну я у вѣкно, ажъ бигають по улици мертвеци; я скоришъ схватылася та за пивня, та до церкви, та якъ придавлю питуха, а винъ: кукурику.“—Спасибѣ вамъ, бабушко, шо спаслы мене видъ смерти! Ту купцивну заховалы, а той хлопецъ ожинывся, и стали собѣ житы поживаты. (Г. Купянсь. Записала со словъ крестьянки Л. Пахомовой В. Щ.).

Вѣдьмы могутъ, какъ мы уже знаемъ, являться въ различныхъ образахъ, но сила вѣдовства или волшебства ихъ этимъ не исчерпывается, онѣ могутъ превращать и другихъ людей въ животныхъ, могутъ производить засуху, разсѣвая или замыкая для этого дождевыя тучи.

— Видьмы и волшебныкы портятъ людей; вони поробятся вовками и почнуть шлятиа скризь. Де побачуть огонь въ хати, то идуть и сѣдають падъ вѣкно, та такъ пыльно дывляця, шо ажъ жалъ ихъ. Одынъ чоловікъ пѣймавъ вовкулака, та якъ здавивъ его, а на ему и лопнула шкура вовчача и ставъ винъ такимъ чоловікомъ, якъ и бувъ (сл. Ново-Николаевка).

— Чула я, шо въ однімъ сели була свальба у богатого мужика, и въ цимъ сели жила видьма стара, котора за то, шо їи ны позвалы на свальбу, зробыла такъ, шо на другій день описля свальбы жыныхъ, нывиста, батько и мате їи обернулись вовками и утыкли въ лисъ. Якъ хто зробе чоловіка вовкулакою, то цей вовкулака и живе въ лису до тыхъ пиръ, пока на немъ не перегне поясъ. А если хто ранше замане его въ сини и самъ перерве на немъ поясъ, то и тоди вовкулака зробытсѣ опять чоловікомъ (сл. Гусиновка).

— Вообще свадебный поѣздъ долженъ остерегаться вѣдьмъ; въ виду этого крестьяне приглашаютъ въ дружки обыкновенно знающаго человѣка, а то вѣдьма можетъ не только испортить, но и весь поѣздъ обратить въ волковъ, сдѣлать всѣхъ вовкулаками. Была разъ свадьба и взяли дружкоймъ знахаря. Когда сыграли свадьбу и повезли молодую въ домъ, молодого, то дружко остался дома. На встрѣчу поѣзду вышла вѣдьма и сдѣлала такъ, что кони въ поѣздѣ сразу подошли. Побѣжали за дружкоймъ; онъ сейчасъ же узнать, чье это дѣло; что-то поворожилъ надъ конями, и они ожили и повезли молодыхъ домой, а у вѣдьмы въ тоже время выросъ во рту рогъ, такъ

что она не могла закрыть рта и оставалась съ разинутымъ ртомъ до тѣхъ поръ, пока по окончаніи свадьбы не пришелъ къ ней дружокъ. Пришедши къ ней, онъ сказалъ: „ты умѣешь людямъ зло дѣлать, а отдѣлывать не можешь, такъ смотри у меня! чтобъ это было въ послѣдній разъ!“ И сдѣлалъ такъ, что рога во рту у нея не стало (сл. Тарасовка).

— Остановылись чумаки коло слободы воливъ попасты; ихъ такъ душъ десять и межъ нмы есть одинъ такой шо все зъ него сміюця, все ёго дуракомъ узывають, а винъ, сказано смиренный, ничего имъ не откаже, ляже соби пидъ визъ, либонъ и не чье. Оце ти товаришы на ничъ разивъ десять устануть навидаця до воливъ, а винъ соби спыть. А якъ оце рушыты, ти жъ и колеса пидмажуть, и налыгачы дегтемъ змажуть, щобъ не рвались, а винъ цего ничего не робе, а якъ оце пойдуть, то, гляды, у того налыгачъ порвався, а у того вись зогорилась, а у дурня налыгачы цили, а изъ колесъ деготь ажъ льебся. А все воно оце видъ чого? Видъ того, шо винъ одъ усякою усячины знавъ. Оце жъ воны и теперь остановылись пасты; ти жъ силы обидаты, а винъ лигъ подъ визъ та й спыть. Оце воны обидаютъ, дывлюця, шось за человекъ иде, пидходе: „Здрастуйте, добри люды!“ — Здрастуй, шо скажышь? „Та я прійшовъ спытаты васъ, чы не пиде який—ныбудь зъ васъ до мене старостою: я дочку выдаю замижъ. Та такой, щобъ умивъ одвесты ту лыху годину, шо у насъ коится. Одна жинка та не добре мае на мого зятя, та оце уже такъ поробыла, шо у насъ конына упала, такъ я оце и боюсь, щобъ чого еще худого не було. Якъ есть межъ вами такой, будте ласкови, не откажыть мини, шо хочите бирить!“ А чумаки сміюця та й кажуть ему: пиды попросы нашего знахаря, винъ тамъ пидъ возомъ лажыть, якъ кабанъ, отой такъ зна! Воны, бачъ, сміюця надъ дурнемъ, а той человекъ повирывъ, та й пишовъ до его просыты. Винъ и коже: „якъ дасышь двадцать пять цилковыхъ, такъ пиду“. — Шо знаешь беры, тико ходимъ, человекъ добрый! Пиднявся, пишовъ, а ти зъ ёго сміюця. Прыходять на свадьбу. Въ хоти людей багато и межъ людмы на примости сыдыть одна баба стара, стара та беззуба, а волосся ажъ пожовтило, та була бъ тоби гидка та й краю їй нема. Якъ побачыла вона нашего дурня, якъ пидскоче на примости, якъ закрычыть: „чого ты прійшовъ? чого тоби треба?“ А винъ и каже: „кому оце ты приготовила?“ показуе на дохлу коныну: „пиды жъ сама їи погрызы!“ Якъ выбиже та баба на улыцю, якъ пидбихыть до коныны и ну їи тягаты зубамы—грызты. Тамъ же на свадьби булы їи сыны, такъ воны начали его просыты, щобъ винъ сжалывся надъ нею та отробывъ, а то имъ стыдно. Такъ винъ сжалывся, а то бъ довго грызла бъ вона. Поихалы молоди винчатся, перевинчалысь и йдуть видтиля. Якъ дывлюця—бихыть *бунай* та прямо на молодыхъ. Тутъ уси полякалысь, шо це опать та баба—видьма. Дурень зскочывъ зъ повозкы и каже, щобъ воны йихалы до-

дому скоришъ, а самъ ударився объ землю и зробився видмедемъ и пишовъ прямо на бугая. Бугай якъ розгоняця та й посадивъ видмеда на спину; видмедь якъ узався за шкуру билия хвоста, такъ уся и вывернувъ ажъ на голову, а потимъ того поваливъ бугая на землю та й загрызъ (хут. Маліевъ).

Въ народныхъ разсказахъ, гдѣ рѣчь идетъ о борьбѣ между представителями двухъ началъ добра и зла, въ концѣ почти всегда побѣда остается на сторонѣ представителя добра. Такой характеръ нашихъ народныхъ сказаній съ особенною ясностію выступаетъ въ слѣдующемъ сказочномъ разсказѣ, записанномъ, какъ было, въ сл. Ново-Екатеринославлѣ крестьяниномъ И. П. Рудичемъ:

Бувъ собі чоловікъ та жінка; у нихъ була однимъ одна дочка, Парася. Вони були багаті на всю слободу, окрімъ хліборобства торгували лавочкою. Стучилось, що батько й мати Парашини домерли и вона осталась круглою сиротою. А въ тій слободі бувъ парубокъ безродній, живъ уже по городахъ въ робитникахъ. Одынъ разъ прийшовъ вінъ у лавку до Параси купувати кой-чого. Вона такъ изъ разу и вризалась у ёго и стала підмовляти, щобъ вінъ оженився на ній и управлявъ усією худобою, якъ по домашньому хозяйству, такъ и по лавці. Парубокъ—Панько цему ище й радъ бувъ: якъ по городахъ ему тягаться, ни мавшы ни хатки, ни паниматки, такъ лучше бути хазяиномъ, тай ще й лавошныкомъ, на всему готовому. Отъ вінъ перебалакавъ, согласылись зійтись. Перевинчались, зиграли свальбу и живутъ та поживають та худобу наживають.

Живуть годъ и другій и третій,—все-бъ гарно, та одно тилкы торбувало Панька, чого такы его жінка ничего не йисть: за вси тры годы вона зъ нимъ умысти не снідала, ни обидала, ни вечеряла, яка тому прычына, ни якъ ни розгада.

Одынъ разъ вінъ и пытае жінкы: „Парасю, чого такы ты зо мною не сидаишь йсты? Отъ четвертый годъ, якъ побралысь, а ище не бачивъ шо ты йсышь? Вона зъ ласкою сказала: „мій голубъ сывенькій, ты объ мині не торбуйся; я якъ готовлю справу, то сего того покуштуя тай наймися. Хиба мині багато треба“. Ну и ничего, то усе и прошло. Панько бачы шо жінка правды ему не сказала, и ему не полегшало, а однаково мучыло, така думка, шо вона ему невірна жінка. И ставъ назирци підглядати за нею, чы ни побачы, шо такы вона йисть и шо робыть безъ его. Скоро такой случай прыставывся, шо вінъ самъ побачывъ, шо вона йисть.

Разъ, поснідавши, вінъ пишовъ у лавку, та взявъ и вернувся назадъ и загляда въ викно. Дивыця, а его жінка перекинулася *собакою* и йисть чоловіче мертве тило, достала изъ підъ полу; у его такъ волося въ гору и стало дыбомъ и зробылось моторошно. Вінъ перехрыстывся и пишовъ у лав-

бу. Дождавши обидней горы, Панько прійшовъ обидаты и каже жинци: такъ ты, Парасю, правду мини кажышь! Теперь ничому тоби не повірю: я сегодня бачивъ, шо ты йсышь, якъ у тебе серце наляга отаке робыты!“ Жинка не дала ему всего высказаты, закрычала: „ахъ ты прибудна собака, прійшовъ на все мое, йще мини и указуешъ, пидглядаешъ, шо жинка робыть, будже ты собакою, а не чоловікомъ!“ При цихъ словахъ ударила его жалезнымъ прутыкомъ и винъ, бидный, сичасъ же зробився собакою и выбигъ изъ хаты.

Бижыть винъ и думает, шо теперь ему робыты: це вже винъ не чоловікъ, а собака, значыть мыжъ людмы не жыты и побигъ у поле. На поли натрапывъ гайдари в зъ отарою овецъ и ставъ винъ коло ихъ отыраця: оце якъ воны, гайдари, прыляжуть отпочыты, то собака—Панько овецъ заверта, береже. Гайдари дывлюця, шо до ихъ прибудывся собака не зъ плохыхъ, стали ии шануваты и кормыты, а собака старалась уже прыслужыця имъ за те, шо годують и совсимъ привыкла до собачою жыты и дила.

Разъ прійхавъ до ватары хозяйинъ купецъ; гайдари не схваляця прибудною собакою; якъ вона стала у ихъ, такъ вовквивня и не прыблыжаеця усю ничъ, якъ колоколь гавка, и обигла кругомъ ватару, и воны теперь на щотъ звирякъ безъ опаскы. Хозяинъ приказавъ имъ годуваты ии въ дозваль, щобъ вона не збрыла, и пойхавъ до дому.

Ныдиль черезъ дви писля того, якъ купецъ йздывъ до ватары на степъ, у тому городи, де винъ живе, розвылось такихъ воривъ, шо страсть прямо такъ и граблять,—ничого не пороблять: ни сторожи не вбырыжуть, ни полицейски не половлять воривъ, не знаютъ шо й подіаты. А воры ище пидкынули запыску цему купцеви, шо у его ватара, де собака прибудылась, шо на таку-то ничъ обикрадутъ усе въ лавци, а сторожу ныхай хоть прыставля, а хоть и совсимъ оставы, бо ни яка сторожа не вбырыже.

Купецъ прочытавъ таку запыску, зажурывся и ставъ думаты, якъ бы цю быду отвесты, тай здумавъ про собаку, шо прибудылась до его гайдари в, и сичасъ пойхавъ за нею. Пріихавъ до гайдари в, розскававъ у чимъ дило и прыказавъ налыгаты собаку. Ии налыгалы, и купецъ повивъ у городъ, а гайдари в обещавъ подарыты сто рубливъ, якъ шо собака убырыже его худобу отъ воривъ.

Пидъ назначену въ записци ничъ собаку пустылы до лавкы; вона зализла пидъ помистъ и лягла. Такеъ якъ къ пивночи явылысь воры, забралы въ лавци весь товаръ до ниточки, а товару було дуже богато—тысячъ на сто: усе платкы, сукна, кытайка, демекытонъ, парчи золоти и серебряни, кумачъ и все-все чисто загранишне, дороге. А собака хотьбы разъ гавкнула,

даже и духъ притаила, щобъ не чулы, шо вона лежить нидь помостомъ лавки; тилькы слуха шо воры роблять и гомонять. Тикы выбрали и повкла-дали товаръ у гарбы и поихалы одъ лавки, а собака потыхеньку поодаль пишла за ными назирци, щобъ выслидыты ихъ похоронкы.

На другій день уранци купецъ выйшовъ подывиця, чы все вцилило у лавци. Охъ лихо! двери вси поотчыняти, а въ лавци забрано до шерсты-ны. Винъ у полицію за соцькими и пятасоцькими, съ плачемъ просыть ихъ мырщи помогты ему, може ище піймають воривъ. Полиція заразъ явилась, а собаки совсимъ нима коло лавки, думалы, шо и собаку убылы. Дывлюца ажъ вона бижить видкилась. Прибигла до лавки, взяла самого старшого по-лицейскаго за полы и тягнать геть отъ лавки. Винъ дывиця шо собака не отстае и тикы ны скажы, пишовъ за нею, а за нымъ и вся громада.

Вывела она ихъ за городъ, привела ихъ въ густый, великый лись, на зелену поляну. Стала гребты землю лапами, прорыла такъ якъ на пивъ ар-шына шось заблестило мидне, дывлюця: ажъ воно мидна доска ляда зъ стальнымъ кильцемъ. Полицейски прыготовылысь зъ прыпасомъ на случай обороны отъ воривъ, пидняли ляду за кильце, тамъ була камена драбина въ землю ступнивь на двадцать. Выйшлы вси у выхидъ, де нашлы здорову хату убрану, по середыни на стели высивъ фынаръ, и въ хати сидивъ одиный чоловікъ, выдно для сторожи. Чоловікъ цей заразъ признався, шо ихъ шай-ка изъ дванадцати чоловікъ, и вси городски, а кралы вони съ помичью за-говоривъ и отводылы очи такъ, шо якъ тикы заговорять и одвыдутъ очи, такъ ничего не страшно. У тій хати въ одній стини булы двери. Отчынылы ти двери, ажъ тамъ була комора и биткомъ набыта всякымы товарами, усе те, шо кралы, тамъ було поховано.

Полицейски весь товаръ пороспридилилы, кому слядуи хозяинамъ, а воривъ усихъ переловылы, повъязалы и передалы суду. Гайдареви жъ за собаку подорылы хазяинъ сто рубливъ, та горожане трыста рубливъ за те, шо ихъ товары понаходылысь и воры высвидчыни.

Про цей случай объ усему описалы ажъ у газетахъ, такъ шо скрызъ узналы про цю собаку, якъ вона вынюхала воривъ.

У царя въ тимъ царстві тожъ случылось велике несчасть. Винъ изъ царыцею прожывъ до старости литъ, не було у ихъ дитей, шо дуже ихъ змушало, такъ якъ не було наслідныка на престолю по ихъ смерты. Вони съ доукою молылы Бога, щобъ пославъ имъ дытя. Богъ измылосердывся надъ ными, послухавъ ихъ усерднои молитвы и пославъ имъ на старости литъ утиху. Царыця родыла двухъ близнятъ хлопчыкывъ, такыхъ бойкыхъ и якъ капля воды схожи одиный на одного. Царъ цему далеби обрадився, задавъ гульки у дворци на цилу недилу: багацько грошей биднымъ людямъ

роздарывъ, усе недоимкы съ подушнаго простывъ и багато другого добра зробывъ. Та тилкы ны довго царь веселывся.

Прошло девять мисяцевъ пияся родынъ царевычывъ; въ одну ничь прылетивъ чародій-колдунъ, укравъ одного старшенькаго царевича, а на меньченъкаго оставывъ запыску, шо якъ пидросте ише за тры мисяци, то и его украдыть. Царь и царыця зажурылысь такъ, шо мало йлы и спалы, усе плакалы объ своихъ диткахъ, та нывлязя ничого поробыть. Отъ стали вони думаты й гадаты, якъ бы останне дитя уберегты, и ниякъ не прыдумають, якъ отъ такои быды откараскаця.

Одынъ разъ царь зъ тоскы ставъ перечытуваты газеты и напавъ на ту газету, де була описана та собака, шо ворывъ попутала и нашла вси ихъ похоронкы. Винъ трохи очнувся отъ горя и сичасъ напысавъ прыказъ у той городъ, шо бъ купецъ той прыставывъ ему того гайдара зъ собакою.

Бумага царьска не забарылась дойти до того города и купецъ сичасъ-же отпраывывъ гайдара зъ собакою до царя, куды винъ скоро и явився. Царь прыказавъ ему строго берегты изъ своею собакою царевича, шо бъ не вкравъ его чародій колдунъ. Гайдаръ волею—неволею принужденъ бувъ покориця прыказу и воли царя и занявъ сторожу надъ царевичемъ. Кожный день собака на ничь лягала коло колыскы царевича.

Пройшовъ одынъ день благополушно и другой и недиля, ну и ничого. Ныдиль черезъ тры уходить нянькы уранци до царевича, а его нима въ люльци совсимъ зъ одіаламы и подушкамы и собаки нима, а тилкы по хати скризъ клочки собачои шерсты, сирои и чорной. Сира шерсть изъ гайдаровой собаки, дежъ узалась чорна шерсть.—Не знали шо й подумать, положылысь, шо мабутъ той чародій изывъ и собаку.

Царь съ царыцею такъ убыти булы цимъ, шо й не думалы пережыты. Та не довго вони горювали, тилкы повернулысь выходыты изъ дитской хаты, гулькь.. а собака ихъ вылазы изъ-пидъ кровати, въ лапахъ держы царевича, прынысла и дала царю. Вона надъ ными пидшутыла: заховалась було пидъ кровать—шо зъ ихъ выйды.

У цю ничь чародій прылытивъ до царевича собакою чорною, здоровою и тилкы хотивъ ухватыты царевича изъ колыскы и несты, а тутъ якъ схватыла его собака гайдарьска, шо берегла царевича, якъ давай кудовчыты, порвала на кускы всю шерсть, изъ мясомъ вырывала. Ото одъ того и чорна шерсть була скризъ по хати. Чародій насылу вырвався одъ неи и полетивъ до дому ни съ чымъ. А ця собака и заховалась пияся того зъ царевичемъ пидъ кровать.

Царь съ царыцею, побачывшы свое дитя циле и невредыме, не знали якъ и дякуваты гайдареву и собаці. Гайдара щедро надилылы казною, а собаці дали волю таку, шо бъ ий никто не смивъ тронуть; шо вона не ро-

бытмы, и жытмы де схочы, и скризь у кого явыця, шобъ не выганялы, а ище кормылы, и пожалувалы ии чыномъ копытана, наложылы ии галуны офицерски и прычыпылы до шыи похвальный листь изъ золотой бомагы.

Пишла теперь жыты наша собака; ё шо йисты й пыты и хороше походыты. Вона оце ниды на базарь, де добра смытана у бабивъ въ глечыкахъ, поперекыда, повыйда и ниhto ий ничого не можыть зробыты, такъ якъ вона благородна и заслужена и избавлена отъ всякыхъ наказаній.

Отъ жыла, жыла вона въ стольшному городи, и здумалось ий провидать жинку и похвастать своими заслугами. А можы вона теперь уже змылуиця надъ нымъ и отробыть унять его чоловикомъ; потому хотъ и гарна ий жысть теперь настала, та всежъ собака,—надоила уже собача жысть. Якъ задумано; такъ и зробыно. Побигла вона до жинкы въ родыму слободу. Пробигъ и лащыця до жинкы, а вона ему и каже зъ сердцемъ: А такъ ты собака уже панства заслужывъ, будь же ты скурвый сыну горобцемъ. Пры цихъ словахъ ударила его прутыкомъ; винъ ставъ горобцемъ и полетивъ геть.

Летыть винъ, бидный, и думает: теперь я совсимв пропавъ, куды его диця! Тоди я бувъ собакою та щей заслуженною; ниhto мини не смивъ ничого подяты, шо схотивъ тэй робывъ, а сичасъ шо робытому въ слободи? литаты, мали диты убъють, або кишка вшйма та ззысть; въ поли шулика або орель убъють и зйдать. Ну, тамъ шо буды, полетю у лись.

И полетивъ у лись. Тилкы долетивъ до лису, де не взявся кобець, схватывъ его въ когти и уже збырався закусыты; якъ налита на кобця яструбъ, згрибъ его и ставъ трошиты, винъ тутъ и впусывъ горобця. Горобецъ не скоро очнувся съ переляку. Дывыця-на ему пирьвячко все перемяте, голова булыть, звисно бувъ у рукахъ, ну та кой-якъ зибрався зъ сыламы и полетивъ дальше въ лись. Ему уже и йсты хочыця, такъ якъ третій день горобцемъ, а въ его и риски въ роти небуло. Ставъ винъ приглядаця-чы ны побачы корму. Дывыця, на полянци розсыпано гороху и пшеницы. Винъ опуствися и ставъ проворно клюваты. Найився дозваль, хотивъ летиты дальше, ажъ тикы ставъ пиднимаця летиты, шось не пуска нижкы, дывыця, а воно винъ заплутався нижкамы въ сильце и уже до ёго пидходить хлопчыкъ. Прыйшовъ, узявъ, выплутавъ горобця изъ сильця, привъязавъ ныточкою за одну нижку и понисъ у лись; тамъ въ страшній гуцини стояла хатка на курычыхъ нижкахъ, соплякомъ пидоперта.

Унисъ хлопчыкъ горобчыка въ хатку; у тій на полу лежавъ старый, старый дидъ и дуже, дуже стогныть. Винъ показавъ дѣдушци горобчыка и кажы: „Дѣдуска, дывысь якого я горобчыка вѣвывъ.“ Горобецъ дывыця по хати и дума: Не дай Богъ, де ны визьмыця кишка, схватитъ и мини уже не животиты.“ Дидъ подывывся на горобця и кажы: „а гожаго ты го-

робчыка піймавъ, цего горобчыка я уже давно бажаю, де горобчыкъ не простый, подай мини его въ руки!“

Хлопчыкъ подавъ ему; винъ узявъ, вырвавъ три пырынки изъ головки, бросывъ его до долу и сказавъ: „будь ты по прежнему хрещеною людиною!“ Горобецъ упавъ до долу и ставъ чоловікомъ. И якъ тики радъ бувъ винъ, шо ставъ унять чоловікомъ, кланяеца дидови, шо одробывъ его и пытае его, шо воно за чоловікъ такой. Дидъ отвить: „Охъ, сынокъ, я той самый проклятый чародій шо у царя укравъ сына. Оце той и царевичъ хлопчыкъ. Багацько я зробывъ зла за свій викъ, та спасыби тоби, шо хотъ на прыконци вику трохи мене провчывъ. Оце писля твоихъ рукъ идосы хвораю и бильше уже не встану умру. Ото собака чорна, шо хотила у царя и другого сына украсты, а ты не допустывъ, такъ я самый. Теперъ, сыну, моя одна до тебы просьба поховай мене якъ умру; одю дитыну доставъ до его батька царя. Якъ изробышь усе це, такъ за твои труда будышь усе знаты, якъ и я. Та тилкы не робы, сыну, никому зла, такъ якъ я робывъ и твоя жинка“.

Якъ кончивъ дидъ свою прозьбу, то заразы уже и вмеръ. Воны зъ хлопчыкомъ его поховалы, а потимъ того ударылысь объ землю: зробылысь голубамы такымы гарнымы, шо ни здумать ни згадать, тилкы въ казоци сказать, знялысь, залопотилы крыльями и политилы до батюшки царя

Довго чы не довго летилы воны и отъ долетилы въ столышный городъ той, литають коло дворца кругомъ. Царъ и вся свята побачылы пару голубивъ такыхъ, шо николы имъ не приходылось бачыты гарныхъ. Царъ приказавъ поодчиняты викна, понасыпать зерна, шобъ якъ небудъ замануты ихъ у дворець. А голубамъ того й треба. Тилкы поотчинялы викна, воны сичасъ и влетилы у викна, ударылысь объ доливку и стали людьми.

Царъ дывыця, шо голубы уже влетилы, велить позачынять викна а самъ убигъ зъ царыцею и прислугою у палаты до дорогыхъ голубивъ. Яке имъ показалось дыво, шо вмисто пары голубивъ, воны нашлы въ палатахъ двоухъ незнакомыхъ людей: литъ 25 чоловіка и годивъ пяты хлопчика. Сталы пытаця, шо воно за люды, видкиля и чого и якъ прыбулы. Зрослый чоловікъ сказавъ въ отвить: шо винъ есть той самый собака, шо беригъ у его царьского вельчества сына, а хлопчыкъ есть ридный сынъ его вельчества и все розсказавъ, шо було одъ начала и до кинця.

Царъ зъ царыцею не знали шо й робыть зъ радости, шо вернувся ихъ пропавший сынъ. Звисно саме перве служылы скрызъ по всему царству благодарни молебни, потимъ гулянья, а чоловіка того, шо прыставывъ царевича, наградывъ землею, крестянамы и чыномъ граха.

Пишовъ теперъ жить грахъ у счастья, купайця якъ сыръ у масли. Усего въ него въ дозвиль, тилкы одного не достача: жинкы нема пры нему, а другу имиты винъ буаяся, шобъ упяты Богъ не накаравъ чымъ небудь. Отъ винъ и надумавъ пойхаты за нею. Прейзкаи въ ту слободу, прыйшовъ до неи поздоровкався. А вона упяты такы идоси не схамынулась, якъ закрычыть ему: „Такъ ты уже грахомъ, будь же ище *жеребиемъ!*“ ударила его прутыкомъ. Та тикы на цей разъ зъ чоловікомъ ничего не зробылось, такъ якъ и винъ уже знавъ колдовства ище побильше неи. Винъ засміявся, выхватывъ у неи прутыкъ и кажы: „Ахъ тыжъ бездушна, я хотивъ шобъ и ты вмисти зо мною пороскушувала, а ты й досы не забула свого зла. Такъ якъ мини ище пилса собаки и горобця буты жеребиемъ, будь же лучше сама *кобылою*, попробуй якъ воно чы гарно“. Ударывъ ии прутыкомъ, отъ чего вона заразъ же стала кобылою. Винъ напынувъ на неи обротку, повивъ и подарывъ одному бидному чоловікови, и прыказавъ, шобъ винъ усе нею оравъ, а йисты и отдыхаты не дававъ. Той чоловікъ подякувавъ за подарунокъ, запригъ у соху и давай ораты. Кобыла такъ землю и верны, въ день десятины по десять выорюи. Такъ шо той чоловікъ поорався одно лито и ставъ богачъ на всю слободу.

Отъ грахъ ставъ упяты скучаты за жинкою, ёму стало ии жалко, и задумавъ вернуты Винъ якъ отдававъ ии бидняку, такъ ище приказывавъ: „Гляды, хто ны казатыме тоби: Боже поможи, такъ не кажы: спасыби, а мовчы“. Отъ скилкы разъ винъ ны захожувався пидходиты до его зъ словами „Боже поможи,“ такъ ничего не рече. А то одынъ разъ мужыкъ оравъ усю ничъ, а грахъ слидывъ его назирци. Отъ на раній зори мужыкъ и задримавъ, тутъ грахъ и каже: „здоровъ, Боже поможи!“ Винъ зъ просонку забувъ и блякнувъ: спасыби — „Шо ты робышь мужычокъ?“ сказавъ грахъ. — А хйба тоби повывлазыло—орю.— „Чымъ ты орешъ?“—А же бачишь чымъ—кобылою. „А подывысь!“ Глянувъ мужыкъ, ажъ жинка стоить запряжена у соси; винъ зъ переляку одъ неи и побигъ до дому.

Тоди грахъ пидійшовъ ближе до жинкы и пытае: „ашо, гарно ораты?“ Вона пуць ёму въ ноги, якъ заголосы: братику—соколыку, прости! теперъ не буду билышь злобы маты, буду тебе шануваты, ноги твои мытиму и воду ту пытиму. Грахъ зъ нею прымырився, повивъ на кватырю, а на другый день тутъ усе спродалы и уйихалы въ подарыне одъ царя урочище. Теперъ живутъ вони и хлибъ жуютъ. Оце не давно уже одного старшого сына Мытра ожинылы. На свальби и я бувъ, горилку и выно пывъ, по бородин текло, о въ роти севсимъ не було.

(Ср. Чубинскій Т. 2. стр. 410, № 118. Про панию, шо мясо мертвыхъ їла. Прим. П. В. Ив.)

Что вѣдьмы могутъ снимать съ неба звѣзды и прятать ихъ у себя въ хатѣ, или при своихъ полетахъ на шабашъ сметать съ неба звѣзды своимъ помеломъ, отчего мы и видимъ иногда массу падающихъ звѣздъ,—все это издавна извѣстно всѣмъ малороссамъ, но болѣе или менѣе обстоятельныхъ объ этой сторонѣ дѣятельности вѣдьмъ разказовъ намъ лично не пришлось слышать, да и въ числѣ доставленныхъ намъ о вѣдьмахъ матеріаловъ нашлось только одно небольшое слѣдующее сообщеніе:

— Жила собі одна жинка въ Старовировци, вона, бачь, була видьма, а до неї ходила одна дивка учитись ткаты. А ця видьма була така, що знімала зъ неба зирочки. Отъ вона зняла одну зирочку и посадила її въ глечикъ и поставила пидъ покуть, а дивци приказала, щобъ вона его не розязувала. Видьма кудись пішла, а дивка не втерпила—розязала глечикъ,—зирочка выскочила и хтой-зна де дилась. Було жъ тоди дивци видъ видьмы! (сл. Ново-Николаевка).

Хотя во время засухи можно часто услышать, правда, въ видѣ шутки, слова: „пора вже купаты видьму“, а при хожденіи по полямъ съ хоругвями и служеніи молебней у колодцовъ съ цѣлью испрошенія дождя не обходится безъ того, чтобы участвующія въ процессіи женщины не были облиты водой; впрочемъ обливаютъ водой не однихъ женщинъ, но, вмѣстѣ съ ними, и церковнослужителей, а кое-гдѣ даже и священниковъ, но о случаяхъ серьезнаго купанія съ этою цѣлью женщинъ, слывшихъ вѣдьмами, въ Купянскомъ уѣздѣ мы не слышали. Такъ что разказы о томъ, что вѣдьмы разгоняютъ тучи, замыкаютъ дождь и насылаютъ засуху представляютъ теперь лишь слабыя, точнѣе сказать, исчезающіе отголоски широко распространеннаго прежде вѣрованія въ стихійную силу вѣдьмъ. И теперь можно еще услышать, что вѣдьма при приближеніи дождевой тучи становится на четвереньки и, оборотясь спиной къ тучѣ, поднимаетъ свое платье и подражаетъ вѣтру и грозѣ, черезъ что, молъ, туча удаляется (сл. Нижняя Дуванка). А не то, еще проще, возьметъ превратить тучу въ лягушку, посадить ее въ кувшинъ; небо и останется чистымъ, безоблачнымъ все время, пока лягушка-туча сидитъ у вѣдьмы въ кувшинѣ. Но подобнаго рода разказы вызываетъ теперь среди слушателей крестьянъ не чувства злобы противъ вѣдьмъ, а только одні шутки.

— Однажды во время продолжительной засухи, когда всѣ рекомендуемая стариннымъ обычаемъ средства для привлеченія дождя были уже испробованы и оказались нецѣлительными, порѣшили крестьяне сдѣлать обыскъ въ хатѣ одной старухи, слывшей вѣдьмою, чтобы удостовѣриться, не она ли похитила съ неба тучи. И что-же оказалось? Подъ покутью въ кувшинѣ сидитъ громадная зеленая лягушка. Лишь только вынесли изъ хаты на дворъ этотъ кувшинъ и выпустили изъ него лягушку, какъ тотчасъ на безоблач-

номъ до того небѣ появилась туча, послышались отдаленные раскаты грома, а вслѣдъ за тѣмъ и дождь полилъ на сожженную зноемъ землю. Лягушка была дождевая туча, спрятанная вѣдьмою въ кувшинъ (г. Куяникъ). Говорятъ, что вѣдьмы посылаютъ на землю засуху иногда и другимъ способомъ. Возмутъ и свяжутъ у всѣхъ мѣстныхъ пѣтуховъ по два перешка подъ правымъ крыломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ свяжется и дождь въ тучахъ. Поэтому во время засухъ слѣдуетъ поискать у всѣхъ пѣтуховъ подъ правымъ крыломъ, не найдется-ли тамъ связанныхъ перьевъ, и если такія перья найдутся, то ихъ должно развязать или же, еще лучше, просто совѣмъ вырвать (тамъже).

Находятся-ли вѣдьмы въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ чертами и не выражаются-ли эти сношенія также плотской связью съ ними? Большинство рассказчиковъ и рассказицъ отрицаетъ плотскую связь вѣдьмъ съ нечистыми духами, хотя всѣ утверждаютъ, что вѣдьмы находятся въ близкихъ сношеніяхъ съ послѣдними. При этомъ нѣкоторые присовокупляютъ, что отрѣкшись отъ Бога и продавъ свою душу діаволу, вѣдьма живетъ уже безъ души. Свою христіанскую душу она до смерти прячетъ или подъ тѣмъ корытомъ, въ которомъ дается кормъ свиньямъ, или подъ дубовой колодой, на которой рубятъ дрова, живетъ же *нечистымъ духомъ*, который входитъ въ нее, взамѣнъ души, и сообщаетъ ей способность къ превращеніямъ.

— Видьма оставляетъ свою душу дома, а сама лытитъ у Києвъ, тамъ ѣ якась видьмовска церква, тамъ замість души въ неи всылаетця нечиста сыла. Тоди вона ходѣ и коровъ доѣ и скризъ лита и зирочки зъ неба хвата. И Богъ имъ (видьмамъ) терпѣ до поры, а затѣмъ, якъ время прійде, такъ вони не умирають, а такъ зъ тиломъ своимъ скризъ тартары и загудыть. Така була у насъ видьма Олена, такъ сквозь землю и провалылась, хто-й зна де вона и дилась. А то ще була одна видьма, такъ та пидъ старистъ пишла у Києвъ каятьця. Стала къ городу пидходитъ, побачыла святи церкви, и зачала въ землю входить: шагъ ступѣ—по щиколодку вгрузне, другій—по колино, и такъ провалылась по пыю, тоди й каже товаришкамъ: „бжити, покличте попа—буду каятьця.“ Прійшовъ пипъ, вона ему и покаялась, якъ вона видьмовала. Пипъ ии перехрыстывъ трычи, вона й провалылась-ажъ загуло (сл. Тарасовка).

— Нычисти знаютця съ видьмами и прыходять до нихъ въ ночи, чорни съ красными языками, въ брыляхъ, и видьмы ихъ угощаютъ усячиною, а чортяки ихъ научаютъ и кажутъ имъ де и шо можно зробити. Разъ хлопцы йшли зъ вечерныцъ о пивночи и побачили у одній жинки въ хати зъ трубы выхватыло полымья, не наче пужарь, а то нечистый литавъ до неи и живъ зъ нею, и тенерь лытивъ зъ трубы огненнымъ зміемъ. Якъ воно лита до видьмы, то ничего живутъ соби и вона здорова и нычого ий

ны робытця; а якъ стане литаты до простой жинки, то та стане жовта и умре (тамъже). — Къ нѣкоторымъ бабамъ летаютъ по ночамъ змѣи. Это-не-чистый духъ, который принимаетъ видъ огненного змѣи и при полетѣ рассыпаетъ вокругъ себя на большое пространство искры; является онъ въ хату черезъ трубу. Между бабой и змѣей, посѣщающимъ ее, плотскаго сообщенія не бываетъ; онъ только „кохается“ съ нею и сосетъ у нея грудь, отчего эта баба обыкновенно имѣетъ болѣзненный видъ (сл. Кабанья).

По общепринятому мнѣнiю вѣдьмы предъ смертію долге и сильно страдаютъ. Чтобы узнать, отчего вѣдьма передъ смертію страшно мучится, надо взять хомутъ, стать у хатняго порога и посмотреть сквозь хомутъ на умирающую, — увидишь, что она со всѣхъ сторонъ окружена бѣсами, которые и мучатъ ее. Дабы избавить вѣдьму отъ продолжительной предсмертной агоніи, надо прорубить надъ нею потолокъ и вынуть изъ него одинъ изъ сволочковъ или же положить ей подъ голову ножъ, тогда она сейчасъ умретъ (сл. Кабанья).

Когда вѣдьма умираетъ, то страшно мучится и такъ стонетъ и корчится, что, при видѣ страданій ея, ни у кого нехватитъ духа оставаться въ хатѣ. Она до тѣхъ поръ не умретъ, пока не просверлятъ дыры въ потолокъ или, по другимъ, въ стѣнѣ надъ дверью. Послѣ смерти распространяется отъ трупа страшный смрадъ, и трупъ въ тотъ же день разлагается (сл. Тарасовка).

Вѣдьма, якъ умира, то скаучить, якъ собака, а ынчій разъ нявчить, якъ кишка. Ото вона буде умираты такъ днівъ пять, колы у потолку дыру ны продыруть, або корыто до горы дномъ ны пырвернуть. А якъ дыру у потолку продыруть, або корыто до горы дномъ пырвернуть, то тоди вона скоришь умре (хуторъ Егоровка).

Погребаютъ женщинъ, слывшихъ вѣдьмами, по обыкновенному христiанскому обряду, какъ и прочихъ умершихъ естественною смертію крестьянокъ, но иногда хоронятъ ихъ поздно вечеромъ. Это бываетъ тогда, когда родственники умершей, боясь посѣщеній ея изъ могилы, просятъ священника прочесть надъ нею „заклятні молитвы“, а потому желаютъ, чтобы было поменьше народа при исполненіи этого обряда. Рассказываютъ о слѣдующемъ случаѣ. Послѣ погребенія одной вѣдьмы присутствовавшій на похоронахъ народъ былъ приглашенъ въ ея хату на поминальный обѣдъ. Хата была большая и въ ней царилъ полумракъ: горѣла одна лампада передъ иконами. И вотъ, когда обѣдъ окончился и народъ сталъ выходить изъ-за стола, „божныця“ со всѣми стоявшими на ней иконами вдругъ упала на столъ. Одна изъ бывшихъ въ хатѣ женщинъ видѣла, какъ неизвѣстно откуда взявшаяся черная кошка прыгнула на божницу, отчего эта послѣдняя и упала. (сл. Араповка).

Если вѣдьма передъ смертію говоритъ домашнимъ, что она будетъ ходить къ нимъ и послѣ смерти, то, чтобы избавиться отъ этихъ ужасныхъ посѣщеній, ее прибиваютъ къ гробу коломъ изъ „квичальной осыкы“ или, по крайней мѣрѣ, осиновымъ колкомъ прибиваютъ крышку къ гробу.

Иные говорятъ, что однѣ родимыя вѣдьмы могутъ вставать изъ могилъ, а вредная дѣятельность ученыхъ вѣдьмъ съ смертію ихъ вполне прекращается; другіе же утверждаютъ, что всѣ вѣдьмы и послѣ смерти могутъ являться въ разныхъ видахъ, хотя вообще умершія вѣдьмы оставляютъ свои могилы рѣже, чѣмъ упыри.

У простого человека, кромѣ души, нѣма ніякого духа, а у видѣмъ, упырякивъ и вовкулакивъ ё духъ, такъ шо вони и після смерти можуть ходыты скрызъ. (сл. Ново-Николаевка).

Одна видѣма, якъ умирала, сказала своему мужу: „тыжъ гляды—ны жынысы! я буду ходыты до тебе кожнои ночи и пратыму сорочки твоимъ дитямъ“. Ото вона умерла и закопалы ии у землю, а якъ ничь наступе, то вона й ходе до дому и шые сорочки дитямъ, пыре, качае и все робе; а якъ тико пивни закукурикають, то вона тоди и бижить у свою могилу. Це и сусиды тии видѣмы бачылы, якъ вона ходыла ничью до дому хозяйству-вати. (хут. Егоровка).

Ходять умершія вѣдьмы съ длиннымъ серпанкомъ; онъ такъ и воло-чится по землѣ; ходять онѣ дѣтей грызть, пить изъ нихъ кровь, а также хватать тѣхъ дѣтей, которыя воруютъ до Спаса изъ чужихъ садовъ яблоки. Чтобы вѣдьма перестала выходить изъ могилы, приглашаютъ священника отслужить заклтый надъ могилой молебень, откапываютъ трупъ, перевора-чиваютъ его лицомъ внизъ и вбиваютъ въ затылокъ осиновый колъ (сл. Тарасовка).

Та изъ умершихъ вѣдьма, которая послѣ смерти не была прибита ко-ломъ и заклта, встаетъ каждую ночь изъ могилы и ходитъ домой, но теперь она уже не можетъ измѣнять своего вида и не ходитъ доить коровъ, а хо-дитъ въ свою хату только „вечериты“. Войдя въ хату, она будитъ кого-ни-будь изъ домашнихъ и заставляетъ его давать ей вечерю и, если онъ чѣмъ-либо не угодитъ ей, жестоко бьетъ его. Вѣдьма будитъ и заставляетъ себѣ прислуживать всегда одного и того же изъ домашнихъ, оставляя другихъ въ покоѣ, а когда прислуживающее ей лицо умираетъ, она перестаетъ хо-дить. Рассказываютъ, напр., что одна вѣдьма ходила вечериты до своего чо-ловика, когда же онъ умеръ, то она въ полночь подошла подъ окно своей хаты и принялась плакать, причитывая: „мій борщъ, мій горячий! теперь я пропаду не йивши, теперь я вже й не ходытому!“ И не ходы, отозвался изъ хаты старшій сынъ: а то я тебе вбью! „Не прыйду, сказала вѣдьма и исче-зла. Съ тѣхъ поръ она больше не являлась. Чтобы умершая вѣдьма не

могла войти въ хату и требовать себѣ вечерю, надо обмотать хату „валомъ“, который напярла двѣнадцатилѣтняя дѣвочка. Такъ, одна умершая вѣдьма каждую ночь являлась къ своей невѣсткѣ, и этой послѣдней подобныя ночныя посѣщенія умершей свекрови не были, конечно, пріятны. Однажды къ этой злополучной невѣсткѣ зашелъ ночевать солдатъ. Онъ видѣлъ все, что дѣлала ночью вѣдьма, и на утро сказалъ хозяйкѣ: что ты дашь мнѣ, если я отучу твою гостью таскаться къ тебѣ по ночамъ! „Бѣдная женщина обрадовалась предложенію солдата и готова была Богъ знаетъ чѣмъ отблагодарить его, только бы избавилъ онъ ее отъ напасти. Тогда солдатъ велѣлъ хозяйкѣ достать клубокъ „валу“, напряденнаго 12-ти лѣтней дѣвочкой и обмотать этимъ валомъ хату снаружи. Послѣ того, какъ хату обмотали валомъ, вѣдьма три ночи подрядъ являлась къ хатѣ; подойдетъ бывало къ ней, но войти не можетъ, а только ходить кругомъ хаты да бормочетъ: „бодай его побила лиха година! яка воно собака позачиняла и позамыкала? не найдешъ ни дверей, ни вѣконъ. Теперь уже мабуть не прійдется повертаты“ (сл. Араповка).

У одного чоловіка умерла жинка—ярытница, а у ихъ была дочка. Отъ той чоловікъ ѣ живе съ своею дочкою, а ночью ходе до ихъ ярытницы. Воны їй прыготовлялы кожної ночи кушанье: борщъ зъ гавядиною, жаркое, водку и пр., а вона усе и поїдае, та ще все мало їй було. Отъ разъ до ихъ привелы постояльца—солдата, щобъ винъ у ихъ пырыночувавъ, а дочка тїи ярытницы и сказала тому солдату: у мене маты покійныця, ярытница така шо зъ того свита ходе до насъ кожної ночи. Вона якъ прійде цю ничь, то вамъ и мѣста мало тутъ буде“. Той солдатъ сказавъ: „ну, ладно, я їи улучю такъ, шо вона ны буде сюды шляця!“ Якъ смеркло, солдатъ ставъ коло порога и стоить: жде тїи ярытницы. Вдругъ являєця та ярытница и каже тому солдату: Ага, це и тебе я прыбыру!“ Тико вона це проказала, солдатъ ухватывъ свою саблю и обрубавъ ярытницы голову. Якъ розвѣдчилося на другой день, ажъ зъ неї стала собака. Солдатъ узавъ ту собаку ѣ спалывъ и попилъ пыривіавъ. Посли вже и ны ходыла та ярытница до дому. (хут. Егоровка).

Одна жинка умерла, їи заховалы. Отъ вона и стала по ночахъ до дому ходыты. Разъ прійшла та покы помыла дѣтей, пообчисувала, понадивала сорочки та ѣ пробарылась. Тико выйшла въ сыны, щобъ иты вже въ яму, а пивни якъ закукурикають,—вона такъ и упала на мѣсти; а чоловікъ їи взявъ та ѣ заховавъ въ чуланъ. Дивчынка ихъ маненька бачыла це все та пишла до сусидъ и розказала. Сусиды тоди созвали людей, пишлы и найшлы у чулани ту жинку. Тоди поныслы їи на кладовыще, положиылы въ яму и прыбылы осыковымъ килкомъ. (сл. Преображенная).

Жило одно семейство, состоявшее только изъ мужа, жены и маленькаго, еще груднаго ребенка. Какъ-то разъ ночью слышатъ они, что на дворѣ какъ будто воетъ. Хозяинъ поднялся съ постели, хотѣлъ выйти на дворъ прогнать, какъ онъ думалъ, собаку, но не успѣлъ онъ встать, видитъ—отворяется дверь и въ хату входитъ женщина въ бѣломъ, волосы распущены, вся посинѣла, и бросается прямо къ люлькѣ, гдѣ лежало дитя. Припала къ ребенку, прокусила ему горло и начала высасывать кровь. Отецъ ребенка бросился къ ней, чтобы схватить ее; но она сама вскочила къ нему на спину и начала бить его. Тогда онъ выбѣжалъ съ нею на дворъ и тамъ исчезъ въ темнотѣ. Говорятъ, что на другой день нашли около воротъ только ведро съ водою да кучку пеплу. (г. Купянскъ).

— У одного бѣднаго крестьянина была жена и маленькія дѣти. Жена заболѣла и умерла. Пошолъ онъ къ священнику и просить похоронить жену, а деньги за похороны просить обождать, такъ какъ у него въ то время денегъ не было ни гроша; но священникъ не согласился безъ денегъ хоронить. Пошелъ мужикъ на кладбище яму для жены копать. Копаешь, а самъ все думаетъ, гдѣ денегъ взять. Выкопалъ яму да тамъ же выкопалъ и деньги, взялъ и понесъ ихъ священнику; тотъ и спрашиваетъ: „откуда взялъ деньги?“—На кладбищѣ у смерти, сказалъ мужикъ. „Ладно,“ сказалъ священникъ и велѣлъ на утро готовиться къ похоронамъ. Сидитъ мужикъ надъ женою, горюетъ, дѣти спать; вдругъ о полуночи является къ нему смерть. Подошла къ нему и требуетъ: „отдай мои деньги, отдай сейчасъ, а не то, я тебя съѣмъ!“—Ѣжь, рви тѣло, а денегъ у меня нѣтъ, попу отдалъ, сказалъ онъ. Смерть схватила мужика и понесла на кладбище къ ямѣ и тамъ начала грызть его. Тотчасъ сбѣжалось къ ней много другихъ смертей и всѣ набросились на мужика и ну грызть его. А дома въ это время проснулись дѣти его; смотря нѣтъ отца, пошли искать его. Приходятъ на кладбище и видятъ, что отца ихъ грызутъ смерти. Дѣти въ испугѣ закричали, а смерти похватили ихъ и поѣли. (сл. Преображенная).

Въ народѣ еще крѣпко держится повѣрье, что въ извѣстныхъ случаяхъ умершіе могутъ оставлять свои могилы и являться живымъ людямъ. Чаще всего это, молъ, случается, когда сильно тоскуютъ по умершемъ. Такъ, напр., матери являются къ своимъ тоскующимъ дѣтямъ, жены мужьямъ, женихи невѣстамъ, невѣсты женихамъ. Но существуетъ особый разрядъ мертвецовъ—это выходящіе по ночамъ изъ могилъ и шляющіеся по хатамъ съ цѣлью пожрать, а жрутъ они не одни кушанья, но и людей, преимущественно же дѣтей, которыхъ или совсѣмъ пожираютъ или выпиваютъ изъ нихъ только кровь. Такихъ кровожадныхъ мертвецовъ называютъ упырями или ярытныками мужинъ, а женщинъ ярытныцами или же просто смертью. Хотя, съ другой стороны, относительно вѣдьмъ говорятъ, что онѣ послѣ смерти рѣдко

выходятъ изъ могилъ, а если и являются въ свои хаты, то это случается исключительно тогда когда у нихъ остаются маленькія дѣти сироты, вотъ къ нимъ то и ходятъ ихъ матери вѣдьмы, когда бѣдныя сиротки остаются безъ призора, чтобы наканунѣ праздника обмытъ ихъ, причесать и надѣть на нихъ чистое бѣлье.

Говорятъ, что между крестьянами также много вѣдьмачей (вѣдьмуновъ, упырей), какъ между крестьянками вѣдьмъ; разскащики и разскащицы тѣмъ не менѣе весьма мало сообщаютъ данныхъ о дѣятельности ихъ при жизни, но за то передаютъ массу болѣе или менѣе однообразныхъ сказаній о похожденияхъ упырей послѣ смерти. Упырь при жизни считается старшимъ надъ вѣдьмами; онѣ его боятся. Онѣ только взглянетъ на женщину и сейчасъ узнаетъ, если она вѣдьма. Мало того, ему извѣстно, гдѣ какая изъ вѣдьмъ бываетъ и что дѣлаетъ, и если вѣдьма сдоить и испортитъ корову, то стоитъ ему только взглянуть на коровъ и на загороду, чтобы безошибочно указать, куда входила вѣдьма, черезъ какое мѣсто вышла, какую корову сдоила и какія у нея дойки испортила.

— Въ слободѣ Тарасовкѣ въ послѣдніе годы перевелись и вѣдьмы и упыри; за то въ сл. Нижній-Дуванкѣ и теперь всѣмъ извѣстны вѣдьма и упырь. Къ этому послѣднему часто обращаются въ случаяхъ порчи коровъ вѣдьмою за помощію, и онѣ заговариваетъ вѣдьмъ и лѣчитъ испорченныхъ коровъ. Въ этомъ занятіи онѣ находятъ средства къ жизни, и оно составляетъ единственное ремесло этого человѣка. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ упырѣ крестьянинъ, который недавно обращался къ нему съ просьбою полѣчить заболѣвшихъ коровъ: „Було у насъ чотыри коровы; отыдылись воны вси на однѣй ныдили, тылята гарни, якъ одно. Ныдили черезъ двѣ стали коровы смутни, перестали давать молоко, захворали. Иду я въ сумерки съ току, бижить до загороды здорова собака, жовта, хвистъ опустыла; я злякавъ, чины скажена, духомъ побигъ, взявъ однорогъ. Прибигаю, чыма и нихто не бачывъ. А на другый день вси коровы попорчени. Я пойхавъ, привизъ *опыря*. Якъ вѣйшовъ у загороду, подывывъ и каже: Була видьма; осюды влизла, сюды вылизла. И показавъ якъ разъ тамъ, де я бачывъ жовту суку. Сказавъ на яку дѣйку яка корова спорчена и не бравъ за дѣйки, а тилько хвистъ потянувъ та лопатки пощупавъ. И пѣйшовъ у хату, каже, шо ще рано лѣчить. У хати мы его принялы, якъ слидъ, накормылы, горилки винъ выпывъ, тори й каже: „пора, ходимъ!“ Пѣйшовъ, шось пошентавъ. И такъ три вечернихъ зори прыйздывъ. Кожный разъ его мы угощали, горилкой поштували, карбованецъ грошей далы да копыцю сина. Сказавъ, шо черезъ три дня коровы будуть здоровы, а воно ничего и не пособыло. Пѣйшовъ я зновъ до него, кажу, шо коровы хвори, молока не дають, вымя роспухло. А винъ отвитывъ: „чудно, чого воно не пособыло; усимъ пособляється, всюде мене

кличуть. “Я просывъ, шобъ винъ ще прыйшовъ, отказавсь. „Ни, не пособи-
ло въ первый разъ, билышъ не могу: не пособишь.“ А всюды берутъ его;
винъ такъ и сыдыть у кабацц, видить его и берутъ по людяхъ. А якъ
вздрить видьму, заразы и каже: „куш горилки, с—а дочка, а то скажу, де
сю ничъ була.“ Та заразы его и поштуе, николи ни одказуе. А я коровъ
своихъ на ярмарку продавъ и гарно продавъ, хоть тымъ, може, опыр
помогъ.“ (Сл. Тарасовка).

Разсказъ ямщика: Лѣтъ 15-тъ тому назадъ, когда я былъ еще парнемъ,
сошелся я съ одною дѣвкою. Красивая такая, высокая, лицо полное, румя-
ное, глазами такъ и ѣсть, но за то характеръ... ужъ не приведи Богъ, чуть
что не по ней, такъ сразу вся и вспыхнетъ. Ну, любились мы съ нею года
два. Вижу, дѣло неподходящее: не пара, значить, она мнѣ. Вотъ поссори-
лись мы какъ то съ нею, разбранились. Я и бросилъ ее. А мать этой дѣвки
была вдова и слыла у насъ въ слободѣ вѣдьмой. Иду я это разъ на вечер-
ницы. Уже смеркло. Вдругъ слышу сзади что то шумить. Не успѣлъ я ог-
лянуться, какъ оно меня подъ ноги разъ! Я такъ и поточился, но не упалъ.
Гляжу, а то здоровенный клубокъ. Ну, думаю, дѣло плохо, подавай Богъ
ноги, да наутекъ. Я бѣжу, а клубокъ за мною. Вскочилъ я въ сѣни, за-
хлопнулъ дверь, а сердце у меня такъ ходуномъ и ходитъ, едва на ногахъ
держусь. А снадвору голосъ: „ушелъ, с—й сынъ, въ другой разъ не уйдешь!“
Выбѣжали хлопцы на дворъ, а тамъ никого нѣтъ. Что теперь дѣлать? А у
насъ въ слободѣ жилъ отставной солдатъ; всеъ называли его упыремъ. Ну и
посоветывали мнѣ обратиться къ этому самому солдату. Взялъ я на другой
день полкварти, хлѣбъ и полтину денегъ и пошелъ къ нему. Прихожу, такъ
то и такъ, помогите, говорю, вѣдьма пообѣщалась жизни рѣшить. Поставилъ
на столъ полкварти, положилъ хлѣбъ и деньги, кланяюсь, прошу. “Знаю,”
говорить: “не бойся, ничего она тебѣ не сдѣлаетъ. Иди домой, а тамъ самъ
увидишь и услышишь, что будетъ.“ Проходить недѣля, ничего не слышно.
Въ понедѣльникъ рано утромъ копаюсь это я у себя на дворѣ и вдругъ
слышу на улицѣ шумъ. Бабы кричатъ: вѣдьма, вѣдьма! Гдѣ? Какъ? Бѣгу,
вижу, бабы побросали своихъ коровъ, что гнали въ череду, бѣгутъ на дру-
гой конецъ улицы, туда, гдѣ жилъ солдатъ, и тамъ около его двора уже
куча народу, и я себѣ туда. Всеъ смотрятъ черезъ плетень, глянулъ и я и
вижу по серединѣ загороды сидитъ на корточкахъ вдова въ одной сорочкѣ,
распатлана, передъ нею дойница, а она надъ нею руками перебираетъ, до-
ить, все доить, не переставая. Вышелъ изъ хаты солдатъ и сказалъ: “ты
до сихъ поръ доишь? Довольно. Пошла, паганка, домой!“ Скоро послѣ того
вдова съ дочкой оставили нашу слободу, а я женился, сталъ хозяиномъ да
и дохазяйничался, что пришлось поступить въ ямщики. (сл. Волоско-Ба-
лаклейка).

Вупыряка родымый, его заразь можно взнаты: якъ очи быстри и у лица оказуиця краска, такъ ото винъ самый. Колысь давно, ще якъ вси люды були стрыжени (время военныхъ поселений), я бувъ поганенькимъ хозяиномъ: мавъ волюкивъ, коровокъ и все, якъ слидуеть быть. Разъ бабы стали жалиця, що коровы ны дають молока; я и ставъ що ночи пидглядаты, хто прыйде коровъ доити. Отъ въ ночи я какъ прыйшовъ до кошары, глядь, а сиренькій бычокъ лыжыть пидъ коровою. Я хамиль, хамиль та за свидѣтелемъ, щобъ потимъ люды понялы виры. Прививъ сусиду, поставивъ коло кошары та й кажу: „ну, гляды жъ, щобъ ны скакало на тебе, хочъ жаба, хочъ змѣя—хватай, ны бѣйся: це вупыряка, а пры мини винъ тоби ничего ны подіи.“ А самъ у хвиртку, а вона рыпъ. Бычокъ якъ схватыця та черезъ тынъ, а сусида сущиль схопивъ его. Колы я глядь, винъ солдатомъ вже зробився; мы зязалы его. На другой день прыходе зводный съ такимъ ныдборомъ, що быда: якъ смилы мы солдата дыржаты?! Мы ему зъ жалобою. Солдатъ и признався, шо винъ самый бувъ коло коровы. Тоди зводный и каже: „ну, просы жъ мужыка, а то тоби вишня служба.“ А я кажу: ничего мини ны треба, тико скажы, куды ты входывъ, чы въ ворота, чы въ хвиртку?—Мини, бачъ, хотилось вывирыты, чы такы правда тому, що мене батько вчивъ: якъ зарыешъ на воротахъ кошары навхрестъ осыковый килекъ и зубокъ зъ бороны, такъ нѣяка лыха лычына въ ней ны ввійде.—Э, ни, каже: въ тебе въ хвиртку ныззя. „А куды жъ ты?“—Черезъ тынъ въ тимъ мисти, де кошара прычалуиця до хливця. Э, подумавъ я, нывчимъ мини батько прыказувавъ завсыда круглы загороды робыты! (Сл. Преображенная).

— У одного чоловика бувъ пырь вечеромъ; тамъ було багато ёго родычывъ и друзей. Вси воны начали спиваты, вдругъ сама хворточка въ окни отворылась и влитивъ у хату мытелыкъ, а на столи була чарка зъ водкою. Той мытелыкъ и ставъ питы водку. Якъ напывся водки и ставъ пищаты: спиваты пѣсни, гости уси полякались. Заразь той мытелыкъ хлопъ одного гостя въ лобъ своими крыльцями и ставъ нывыдымый той мытелыкъ. Це бувъ, бачъ, ны мытелыкъ, а видьмунъ родычъ тому хозяину, у якого бувъ пырь, а винъ его и ны поглыкавъ на пырь. Звисно, той видьмачъ росердывсь и полякавъ усихъ за те, шо его ны поклыкали на той пырь (хут. Егоровка).

— Йхавъ ганчаръ зъ горшкамы и остановився на поляни ночуваты. Шкапа пасеця, а винъ лежыть и не спыть. Отъ такъ якъ опивночи дывиця розступаиця земля коло ёго. Земля розступылась и наверхъ земли выступыла труна; изъ труны вылизъ чоловикъ, знявся и полытивъ. Ганчаръ узавъ крышку изъ труны, обчертивъ нею кругомъ горшкывъ та й лигъ на нѣй. Такъ якъ передъ тымъ, що заспивають трети пивни, прылитае той чоловикъ, назадъ лигъ у труну, а крышки ныма и не прычинаиця. Винъ уставъ и кажы: „ганчаръ, мѣй дорогой торговецъ, отдай крышку!“ Ганчаръ отвича: не

отдамъ, хіба скажышь, де ты бувъ, куды литавъ и хто ты такой чы мерт-
вый, чы живой чоловікъ. Винъ сперва було замявся, а потимъ и кажы: „я
есть мертвецъ, старыный, привелыкы *ярытныкъ*, а литавъ на одну свадьбу,
поробыты молодымъ, щобъ послулы на посади. Такъ ты возьми у мой труни
у головахъ нижъ, обрижь нымъ изъ чотырехъ краивъ крыжмы тїи, шо тру-
на въ середины оббыта, по кусочку, и якъ найдышь тыхъ молодыхъ, въ
такій то слободи, та пидкурнышь ихъ крыжмою цією, воны проснуця и тоби
будыть дана тамъ привелыка награда. Та скорій давай крышку, а то мини
не время!“ Ганчаръ обризавъ чотырехъ краивъ крыжмы, отдавъ крышку.
Ярытныкъ тоди лигъ въ труну и ажъ загуркотивъ въ яму. Земля упыять
изиплалась и якъ будто ничего не було. Сичасъ заспывалы трети пивни. Ган-
чаръ, якъ напасъ шкапу, раненько вставъ и пойхавъ у ту слободу, де моло-
ди послулы. Прыйзжае въ ту слободу, коло того двора народу выдымо невы-
дымо. Винъ будто и ны зна, чого такого мыру коло тїи хаты и пытае: „шо
це тутъ робыця?“ Ему розказалы, шо такъ и такъ поробылно: чы ны можышь
ты одробыты, мы тоби дамо велыкы подаркы. — Та хто й зна, подывлюся.
Ввійшовъ винъ у хату, дывця: молоди якъ сидылы на посади, такъ и по-
снулы, и ихъ ніякъ не розбудять. Узявъ винъ накурывъ ихъ крыжмою, воны
сичасъ же усталы, якъ и не було того. Ганчаръ взявъ подаркы и пойхавъ
соби. На другу ничъ упыять ставъ винъ у поли ночуваты, въ другому мис-
ти. Являеця упыять той *ярытныкъ* и каже: „Здрастуй, ганчаръ, мій дорогой
торговецъ! ну, шо, бувъ ты у тыхъ молодыхъ и одробывъ ихъ?“ — Одробывъ.
„Отъ шо, мій дорогой торговецъ, каже *ярытныкъ*: „якъ ты йиздышь зъ гор-
шкамы, а грошей все не маешь, хочышь, я тебе научу *ярытныкомъ* буты,
такъ ты шо задумаешъ, тэ и зробышь?“ Ганчаръ отвича: та я сорокъ литъ
возю ци горшкы, у меня велыкэ симейство, и такъ тикы, тикы пропытаніе.
Такъ, пожалуста, навчы, щобъ мини не йиздыты уже зъ цымы горшкамы.
Ярытныкъ навчывъ его усему примусу, и винъ на другой день пойхавъ до
дому. Якъ прыхавъ до дому, а въ сусидъ свальба. Его и не покыкалы на
свальбу, а винъ поробывъ такъ, шо молоди и вся свальба розбиглась вовка-
мы, поробылысь вовкулакамы. У ихній слободи бувъ охотныкъ такой, шо
ловывъ звирь у поли такъ: вырыта глыбока яма, прыкрыта хворостцемъ ри-
денько, а надъ нею на палци шо небутъ повисыть, або курку, або гуску, и
звиряка, якъ тикы станы доставаты ихъ, такъ и провалыця въ яму. На дру-
гой день чуть свить до того охотныка прыйшовъ старый дидъ знахуръ и
сказавъ ему: „гляды, якъ пидышь до ямы и якъ попадуця вовкы, такъ не
бый изразу, а додывляйся, якъ ё на якому поясокъ, такъ розвяжы его, бо
то не вовкы, а люды.“ Охотныкъ пишовъ до ямы, а въ ній попалось ажъ
девять вовкывъ; ставъ прыдывляця, ажъ воны уси въ пояскахъ. Порозязувавъ
пояскы, вси стали людмы. Це була та сама свальба: молодой. молода и вся

челядь, якъ поиздѣ йихавъ девять чоловіка, такъ уси и побиглы вовкулаками. Охотныкѣ прививъ ихъ до дому; его стали угощаты за тѣ, шо одробивъ имъ вовкулакивъ, а винъ сказавъ: „це не мене одного поштуйте, а поштуйте и дида знахаря, Грыцька Пайдуну: винъ мене научывъ; якъ бы не винъ, а бѣ ихъ побывъ.“ Поклыкалы знахуря того, угощаютъ его усумъ: тики птычого молока нима ему. Сталы упять выражаты поиздѣ, тики тронулы изъ двору, коринный кинь пидъ молодымы и упавъ и ныжывый. Знахуръ Пайдунъ и каже: „не трогайте его! а ожъ двыця, якъ прыйды той самый, шо поробивъ васъ вовкамы, и буде йисты коня.“ Такъ и случилось: прыйшовъ сусидъ ганчаръ и ставъ йисты коня, прямо зубамы рве кускамы мѣсо и йистъ. Тоди запрягли другого коня и пойихалы, а ганчаря посла розказнылы (сл. Ново-Екатеринославль).

— Одынъ разъ горчешныкѣ ночувавъ коло кладовыща. Винъ тамъ выпригъ свою кобылу, кормывъ їи и варывъ кашу. Зварывъ винъ кашу и сивъ вечераты, двыця, прямо на его пленда мертвецъ ярытныкѣ, такой, шо тико уставъ изъ могилы. Прыйшовъ винъ до горчешныка та й каже: „давай мини вечераты: я йистъ хочу!“ Той горчешныкѣ давъ ему кашы. Ото винъ поивъ усю кашу и сказавъ горчешныкови: „ходимъ теперь до мене у гости!“ и тятне его у могилу. Той мертвецъ хотивъ задушыты горчешныка, а винъ вырвався одъ его рукъ и ушелъ. На другой день, тико розвяднылось, горчешныкѣ пишовъ у росправу и объявивъ о случившемся, Староста выйшовъ съ сотескыми на кладовыще, и откопалы того ярытныка, шо прыходывъ до горчешныка, и замитылы, шо винъ ны такъ лыжыть, якъ его клалы. Староста узавъ клынецъ дубовый и топоръ, клынецъ поставывъ на потылицю ярытныкови, а топоромъ ударывъ по тому дубовому клынци, такъ и ввигнавъ увесъ клынецъ у потылицю, ажъ кровь брызнула зъ того ярытныка. Посли цего удара въ потылицю той ярытныкѣ бильшъ ны ходывъ по земли лякаты и душыты людей (хут. Егоровка).

— Расположились чумаки почевать около кладбища и стали варить кашу. Когда каша была готова и чумаки усѣлись вечерать, мимо нихъ пробѣжалъ отъ кладбища къ кабаку какой-то человекъ и тотчасъ у нихъ каша оказалась съ кровью. Что за чудо? Смотрять, возвращается тотъ человекъ изъ кабака назадъ, подошолъ къ нимъ, поздоровался. Они приглашаютъ его вечерать и рассказали, что у нихъ случилось съ кашей. Я знаю, сказалъ онъ имъ и сѣлъ въ кругъ. Смотрять, каша какъ каша-крови нѣтъ; всѣ стали ѣсть ее. Когда поѣли кашу, этотъ человекъ началъ приглашать чумаковъ къ себѣ въ гости. Чумаки, зная, что онъ былъ въ кабакѣ, подумали, что онъ хочетъ дома угостить ихъ водкой, согласились и пошли съ нимъ. Доходятъ до могилы, въ ней дыра, а тотъ человекъ какъ схватитъ одного изъ нихъ за полу и ну тащить за собою въ дыру; чумака за ножъ да и

отрѣзалъ себѣ полу. Тогда чумаки бѣгомъ пустились въ деревню и рассказали тамъ все, что съ ними случилось. Собрались крестьяне, пошли на кладбище къ могилѣ упыря, откопали гробъ, увидѣли, что мертвецъ лежитъ лицомъ внизъ. Тогда взяли осиновый колъ и вбили ему въ спину, потомъ яму снова засыпали землею и землю разровняли (Г. Купянскъ).

— Упыри встають изъ могилъ, по ночахъ ходять въ разныхъ видахъ, кровь пьють зъ дитей, зъ дивокъ, съ жинками живутъ, а то и въ трубу змѣемъ лита, а то и чоловікомъ являеця. Отъ якъ було у насъ въ Дубиновци:

Дуже ладно, по любви живъ чоловікъ съ жиною, и жили вони такъ рокъ, а може й два. Після того винъ пійшовъ на заробитки на Донъ и не хотилось ему идты та батько пославъ. Жинка затоскувала: ни пье, ни йистъ, робыты не може, такъ Михайло передъ очами и стоитъ. Разъ въ ночи явивсь до неи Михайло, ну живой — живисинький, ставъ ии уговарювать, щобъ не тоскувала: „не тужи, не плачь, я до тебе всяку ничъ прыходытиму, грошы, гостыньци носытиму, тильки батькови не кажи про мене, шо я хожу, и никому не кажи, шо мы бачымся!“ Повисилила баба, мовчить, никому ничего не каже, тилько стала жовта та суха, страшна, якъ мертвецъ зъ гроба, и мочи у неи не стало. Поняла тоди вона, шо то за Михайло до неи ходе, та вже ничего не пособе. Стала казать батькови; пійшли до церкви, служили молебень, святагы надъ нею воду — ничего не пособляеця. Такъ скоро вона и вмерла, — настоящего Михайлу не дождалась (сл. Тарасовка).

— Жылы колысь чоловікъ та жинка, а чоловікъ той бувъ ярытныкъ, винъ возмы та й умры. Отъ та жинка й зажурылась и кожного дня туже за нымъ. Винъ и явився ий. Вона була у поли — тоди саме буды жыва —, а якъ наставъ вечеръ, то вона прийшла додому и начала варыты вареныкы. Наварыла вона вареныкивъ, сила вечеряты, та й згадала своего мужа и заплакала. Вдругъ якъ одчыняця самы двери, синешни и хатни, а та жинка и дывиця, ны знае шо й робыты, а воно прямо у хату суныця *труна* въ труни лыжыть ии чоловікъ та устаетъ зъ труны и каже: „а ты такы мене й ны забуваєшь: усе плачышь за мною?“ Тико винъ це проказавъ и хто-й зна де й дився (хут. Егоровка).

— Бувъ случай такый: любылись парень та дивчина и якъ разъ передъ свадьбою невеста вмерла. Парень якъ плакавъ за нею, Боже милостывый, якъ плакавъ, и начавъ копать ходъ отъ свой хаты до гробкивъ. И стала его невеста до него черезъ той ходъ въ его хату ходыты. Съ тій поры повеселивъ парень, тилько ставъ жовтый та худый. И винъ якъ куды уходе съ хаты, запера свою хатыну на замокъ, щобъ никто до его не вйшовъ и ии не побачивъ. Разъ и пидглядили, шо вона сыдыть у его въ хати, дожидае его, а винъ десь забарывсь, а може й хлопцы зговорылись та й задержали его; винъ, бачъ, завжди спшишавсь въ свою хату и ничимъ его не

можно було затримать. А тутъ винъ ны прыйшовъ, питухи заспивали и вона зосталась у хати и упала ниць и опять стала мертва. Позвали трехъ священниковъ, вони приказали розрыть могилу, — розрыли и вси побачили: труна пуста и изъ неи маненька дирочка въ землю, куды вона и ходыла. Тоди понесли ии зновъ ховать и стали молебни закляти править и забыли ии осыновый колъ въ потылицю, ажъ винъ въ ротъ пройшовъ, и зарывла вона, якъ громъ заgrimивъ, такъ шо ажъ земля затряслась. Та якъ зарывла и проговорила: „збыли вы теперъ мене!“ А женихъ опять затоскувавъ страшно и пистя чотырехъ недиль умеръ. И богато було такихъ сторій: якъ сылно хто тоскуе по мертвому, то винъ и явитця (сл. Тарасовка).

— Було два чумака сусида, одного звать Гаврыло, а другого — Макаръ. Вони ходыли у дорогу, Гаврыло возмы захвораи та й умры. А передъ смертью просывъ Макара, щобъ ёго поховали край дороги, и якъ колы буде йихаты мимо, такъ щобъ зайихавъ до ёго на могылу. Случылось, шо оставшійся товаришъ опять йихавъ тою дорогою и остановывся ночуваты въ поли недалеко одъ могылы. Вспомнивъ про товариша и попросывъ меншого своего брата побуты коло возивъ, а самъ пишовъ на могылу. Уже давно смеркло, настала ничъ. Прыйшовъ Макаръ до могылы, сивъ та й каже: „эхъ, якъ бы мини та мій товаришъ явився!“ А могыла такъ зразу и здвигнулась и выходе той самый товаришъ его Гаврыло. Поздоровкались. Макаръ дуже орябивъ, а мертвецъ ёму и каже: „не бійся! я той самый, съ кымъ ты ходывъ у дорогу, и кого ты кыкавъ. А ходимъ лишень у шинокъ.“ Пишли въ село, а тамъ скризъ було темно, тико въ одній хати огонь. Довго пробулы вони у шинку, а мертвецъ и каже: „ну, ходимъ, братъ, а то мини пора на мисто.“ Идутъ назадъ мимо тій хаты, де огонь, Макаръ и пытае Гаврыла: „чого у цій хати огонь горыть?“ — А того, шо тамъ ё дивка красавця; я ии заморывъ. „Якъ же ты ии заморывъ?“ — А такъ, шо вона совсимъ умерла. „Чы ии можно воскресыть?“ — Чымъ не можно, можно, та якъ хто зна. „А якъ именно? — Та якъ: у цимъ сыли ё дидъ, звать его Корній; у его есть корова чорна, якъ вуголья, а худа такъ, шо осталысь тикы кисты та кожа. Такъ пиды ты до того дида Корнія та й купы ту корову; шо винъ запросе за корову, те й давай безъ торгу. Тоди треба звалыты ии, разризаты у неи брюхо и выняты жовчъ помазаты тією жолчью пидошвы, протывъ сердца и пидъ ложечкою у мертвой дивки, то вона сама устане жива. Выслухавше все, Макаръ спросывъ: „а шо тоби робыты, щобъ ты не ходывъ?“ — Э, отвитывъ мертвый: зо мною багато клопшитъ! треба изъ 12-ты церковъ зносыты святосты, та другу яму выкопаты, новый гробъ треба, та щобъ шистъ пошивъ наново похороны отправылы, та осыновый килокъ у могилу забылы: тоди я вже и не встану. Стало свитаты, товариши й распростылись. Макаръ на утро пишовъ до мужика, де умерла дивка.

Вошедше въ домъ, поздоровкався и сказавъ: „эхъ, людына молода, тилько-бъ жить!“ Мате дивки заплакала, а винъ и спрашуетъ: „а шо отдалы бѣ вы ии за мене, якъ бы вона ожила?“ Воны говорятъ: отдалы бѣ. „А де тутъ на-протывъ вастъ живе дидъ Корній?“ Воны ему указалы, винъ и пишовъ туды. Прийшовъ и каже: „диду, у тебе есть чорна корова?“ — Есть. „А скильки за ню хочышь?“ — Давай, двадцать пьять. Макарь выцувъ гроши и подае ёму. „Шо ты, Богъ съ тобою! вона и десяти не стое,“ закрывавъ дидъ: „це я пошутывъ.“ Но Макарь сказавъ: я не выновать, шо ты такъ запросывъ; положывъ гроши на стиль, выйшовъ изъ хаты, занявъ корову и погнавъ, де умерла дивка. Пригнавше, распоровъ брюхо живьемъ, вынявъ жовчъ, помазавъ ею у дивки пидошвы, протывъ сердца и пидъ ложечкою; дивка сразу очнулась, встала и стала говорить. Тоди Макарь пишовъ до священника и говоритъ: „вы помните, батюшка, чумака Говрыла, шо ховалы коло дороги?“

— Помню. „Ну винъ ходе по ночахъ. Хотимте его откопаетъ; винъ дивку задушивъ, а я ии воскресывъ. А батюшка и каже: винъ и у мене вивци подушывъ, да и люди много жаліются. И приказавъ, щобъ у колоколь звоннылы. Собралысь люды, зробылы такую самотоху: бигають туды та сюды, а батюшка приказуе, кому браты хругы, кому заступъ, кому лопату, а одному веливъ взять осыковый килекъ. Пишлы на могылу, де похованный чумавъ. Пришедше смотреть—у могылы дира,—такъ уси рукамы и сплыснулы: оце й воно! Откопалы,—мертвый лыжыты ниць у гроби. Зробылы другой гробъ, выкопалы другу ямку; начавъ батюшка заклинаты его, а мертвецъ и каже: „ну, щастья твое, товаришъ Макаре, шо я не знавъ, шо ты мини невірный,—ябъ тебе поучывъ!“ Закопалы его и забылы въ могылу осыковый килекъ (г. Куянскъ).

— Въ одномъ селѣ жило два кума—вѣдьмача; одинъ изъ нихъ умеръ и былъ по общепринятому порядку похороненъ, какъ обыкновенно хоронять крестьянъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ оставшійся въ живыхъ вѣдьмачъ вспомнилъ о своемъ умершемъ кумѣ и сказалъ: дай пойду провѣдаю кума. Сказано—сдѣлано. Пришедши на кладбище, онъ отыскалъ могилу кума, наклонился надъ нею и крикнулъ въ отверстіе, которое было въ могилѣ: „здоровъ, кумъ!“—Здоровъ! отвѣчалъ ему изъ могилы голосъ. „Я тебя, кумъ, пришелъ провѣдать.“—Спасибо, кумъ! Долго переговаривались они; между тѣмъ наступили сумерки, стемнѣло, въ хатахъ зажглись огни. Выходить изъ могилы умершій вѣдьмачъ и предлагаетъ своему куму отправиться вмѣстѣ въ деревню, какъ только обоснутъ люди. Долго ходили они по деревнѣ, отыскивая такую хату, гдѣ бы окна не были на ночь осѣненены крестнымъ знаменіемъ. Наконецъ нашлась хата, хозяйка которой забыла передъ сномъ перекрестить окна, въ эту хату они и вошли. Мертвый пошелъ въ кладовую, принесъ оттуда хлѣба и меду, сѣли за столъ и поужинали. Вѣдъ хозяйка хаты спали крѣпкимъ сномъ и, конечно, не видѣли и не слышали того, что дѣлается у нихъ въ хатѣ. Между тѣмъ упырѣ замѣтилъ, что въ люлькѣ лежитъ грудной ребенокъ, поэтому, когда поужинавъ они вышли изъ

хаты и прошли улицу до конца, онъ сказалъ своему товарищу: „эхъ, куме, шо мы наробылы: мы забулы въ хати свитло загасыты! побудь тутъ, а я иду погасю“. Воротился мертвецъ въ хату, а живой, догадываясь зачѣмъ онъ воротился, и себѣ пошелъ въ слѣдъ за нимъ, подошелъ къ окну и видитъ: кумъ наклонился надъ колыбелью и сосетъ изъ младенца кровь. Потомъ вышелъ мертвецъ изъ хаты, подошелъ къ куму и сказалъ: „тутъ завтра буде обидь, такъ и ты прихоть на цей обидь. А теперь, куме, одвыды до могилы мене“.—Ни, куме, я не хочу йты туды съ тобою. „Чого?“—Боюся. „Не бійся, куме, я для тебе не злодій. Хидимъ, брате, ты взявъ мене зъ гроба, ты й одвыды“. Дѣлать нечего: пришлось живому куму идти съ мертвымъ до могилы. Пришли къ могилѣ, мертвый и говорить: „Ходимъ вже зо мною въ могилу: мини все буде веселишь!“ Схватилъ кума за полу да и тянетъ за собою въ могилу; но кумъ былъ на сторожѣ: отполосовалъ ножомъ часть полы, а тутъ, къ счастью, запѣли пѣтухи и кумъ—мертвецъ скрылся въ могилу. Тогда живой кумъ побѣжалъ въ деревню, собралъ народъ и рассказалъ все, что въ эту ночь съ нимъ случилось. Пошли на кладбище разрыли могилу, вынули гробъ, видять, что мертвый лежитъ липомъ ницъ, взяли осиновый колъ, и забили ему въ затылокъ. Когда вбивали колъ мертвецъ прогорилъ: „эхъ, куме, куме! не давъ ты мини на свити пожыты!“ (сл. Кабанья)

Изъ этого разсказа видно, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ крестьянъ, упырь, ходя по ночамъ, заходитъ только въ тѣ хаты, въ которыхъ на ночь передъ сномъ не крестятъ оконъ, и тамъ ужинаетъ, а если найдетъ ребенка, то высасываетъ у него кровь, отчего ребенокъ и умираетъ. Чтобы оградить свой домъ отъ посѣщенія разною шляющеюся по ночамъ нечистью, крестьяне передъ сномъ всегда крестятъ въ хатѣ двери и окна. Но одинъ старикъ, видя, что дочь его, собираясь спать, стала обходить и крестить всѣ двери и окна, сказалъ ей: „дочко хоть одно викно оставь некрещенымъ“ Чого такъ, тату? „Того, дочко, шо якъ ты крестышь викна, то выгонышь чертивъ изъ хаты, но знай, шо всихъ заразъ не выгонешь, хочъ одинъ зостанеця. Якъ ты вси викна перекрестышь, то ему никуды буде вылититы, и начне винъ у ноци буяныты: того товкне, того кусне, а того щипне; а якъ хошь одно викно останеця некрещенымъ, то винъ туды й вылете“ (сл. Кабанья)

Въ г. Купянскѣ говорятъ, что необходимо на ночь крестить всѣ отверстія въ хатѣ, чтобы ночью не проникла въ нее черезъ нихъ нечистая сила; а для того, чтобы не осталось въ хатѣ ни одного черта на ночь, слѣдуетъ крестить по порядку окна и двери, а въ заключеніе перекрестить и печное отверстіе, въ которое и вылетаютъ черти, почему-либо замѣшкавшіеся въ хатѣ и не успѣвшіе своевременно вылетѣть въ окно.

г. Купянскъ
6-го Августа 1890 г.

П. Ивановъ.